

Е. Л. Капустина

**СЕЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ К ГОРОДСКОМУ ПЕЙЗАЖУ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ДАГЕСТАНЕ И СУДЬБА СЕЛЬСКИХ ЗЕМЛЯЧЕСТВ
В МАХАЧКАЛЕ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА**

Вид даже самого крошечного внутреннего двора зависит от того, откуда на него смотрит наблюдатель: из гостиной, кухни, со стороны ворот или из маленького чердачного оконца. С одной стороны взгляд упадет на дерево, с другой — на лестницу, приклоненную к стене, с третьей — на женщину, сидящую на скамейке. Каждый предмет, который мы окидываем своим взором, многомерен, и наблюдать его можно как издали, обозревая всю композицию, так и приблизившись вплотную и обращая внимание на самые мелкие детали. Примерно так же можно по-разному посмотреть на объект исследования, особенно когда он поистине масштабен. Как город. Как столица республики. Как Махачкала.

Махачкала не просто заслуживает своего личного исследователя. Она нуждается в целом научном сообществе. И это самое сообщество в последние годы активно формируется. Уже несколько лет существует Музей истории г. Махачкалы, где плодотворно работают его директор З. Дадаева и ее коллеги. Над изучением истории города, разных ее эпох, трудятся многие историки и этнографы, такие как Э. Далгат, П. Тахнаева, М.-Р. Ибрагимов и другие, достойное место тема истории и судьбы города занимает и в республиканской журналистике (в частности, медиа-проект С. Анохиной и П. Санаевой, о котором речь пойдет ниже). Отдельно можно отметить полномасштабное исследование экономики и социальных сетей города, проводимое Д. Соколовым, предварительные результаты которого уже опубликованы в коллективной монографии «Северный Кавказ: модернизационный вызов». Не надолго захотелось примкнуть к этому сообществу и мне. Однако следует уточнить, что чердачное окно, через которое я смотрю на Махачкалу, расположено довольно далеко от города — в горных

и равнинных селах Дагестана. Именно этот ракурс и был избран для того, чтобы попытаться с точки зрения антропологии описать особенность современной социальной структуры столицы Дагестана в контексте стремительного процесса урбанизации, происходящего в республике.

Как отмечает Ц. Дариева, «изучение трансформации городского пространства, исследование процессов формирования пространственной идентичности и культурной логики городской среды требует не только анализа физической структуры (архитектуры, городского планирования и т.д.), но и пристального внимания к процессам социального производства пространства» [Дариева 2011]. В статье я остановлюсь на проблеме изменения городского пространства под влиянием миграционных процессов, происходящих в республике. В частности, предлагается рассмотреть специфику функционирования в городском пространстве сообществ, которые можно назвать сельскими землячествами. К этим формам социальной организации в пространстве города и будет приковано основное мое внимание.

Цифры

Процент городского населения в Дагестане по сравнению с другими северокавказскими республиками сравнительно невелик — всего 45,14 % населения, которые приходятся на все 10 городов Дагестана [Северный Кавказ 2011: 266]. Именно столица — Махачкала — сегодня наиболее быстро развивающийся город-мегаполис, мощнейший миграционный магнит республики. Махачкала является самым популярным городом для новых переселенцев из сельской местности, обгоняя другие по росту численности постоянного населения. Также столица может похвастаться самым большим бюджетом в республике и самым низким уровнем безработицы [Исрапилов 2007: 12].

Обратимся к истории. Петровское укрепление, затем Порт Петровск (а именно так Махачкала называлась с момента своего основания Петром Великим и до 1921 г.) до конца XIX в. представлял собой довольно заштатное поселение. Статус города был получен им лишь в 1857 г., а рост его начался лишь с началом

активного строительства гавани и функционирования железной дороги [Тахнаева 2007: 26].

В XX в. город вырос значительно. Если в 1913 г. население города составляло лишь 24 тыс. человек (цит. по: [Далгат 2010: 59]), в 1926 г. здесь проживало 32 тыс. человек, в 1939 — уже почти 87 тыс., в 1970 — 184 тыс., а в 1982 г. в газете «Дагестанская правда» было напечатано торжественное сообщение о рождении 300-тысячного жителя Махачкалы [Махачкала 2007: 209].

В 1990-е годы отмечалось некоторое уменьшение городского (и увеличение сельского) населения республики (337, 7 тыс. жителей в 1996 г. против 361 тыс. в 1990-м [Амиров 2003: 161]). В качестве причин этого принято называть экономическую нестабильность в регионе, разорение многих промышленных предприятий, высокий уровень преступности (в Махачкале одно время был даже введен комендантский час), а затем и разгоревшуюся войну в Чечне.

Д. Соколов выделяет два этапа постсоветского развития Махачкалы. Первый — 1989–2000 гг. — этап замещения городского населения советского города «новыми горожанами», когда изменялась не численность, а этнический состав населения. «Из жителей советского времени в городе осталась примерно треть. Основная часть русского населения, многие “рабочие и служащие” из числа кумыков, аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и других народов Дагестана покинули столицу республики. Примерная оценка объема этой миграции — 150–200 тысяч человек. Большая часть “старых горожан” была заменена мигрантами из других районов Дагестана, разбогатевшими в новые времена или просто бросившими все свои ресурсы на переезд в город» [Северный Кавказ 2011: 257].

Второй этап — 2000–2010 гг., время формирования махачкалинской агломерации с частичным включением пригородов в черту города. «Объяснение скачкообразного роста населения Махачкалы — в присоединении прилегающих поселков, население которых существенно увеличилось за счет жителей горных районов. В первую очередь это не приток населения непосредственно в Махачкалу, а застройка окраин и пригородов» [Северный Кавказ

2011: 258]. Один из пиков миграции, по мнению Д. Соколова, был связан с выплатой в 2000 г. более миллиарда рублей компенсаций пострадавшим во время военных действий 1999 г.

Официальная статистика корректирует эти данные. Число прибывших на постоянное место жительства в Махачкалу в 1998 г. составляло 7784 тыс. человек, в 1999 г. — уже 51 140 человек (из них 48 276 человек прибыло из сельских районов республики), в 2000 — всего 2545 человек. Вместе с тем в 1990-х — начале 2000-х годов наблюдается процесс выезда большого количества населения из Махачкалы как в сельские районы Дагестана, так и за пределы республики — с 1996 по 2000 г. лишь в 1999-м наблюдался положительный прирост населения за счет миграции [Амиров 2003: 164–165].

В итоге к началу 2000-х годов два миграционных потока существенно изменили облик дагестанской столицы: с одной стороны, миграция дагестанцев из горных и предгорных районов на плоскость и прежде всего в Махачкалу, а с другой стороны, отток некоторых групп городского населения за пределы республики.

Так или иначе, отличительной чертой современной Махачкалы определенно является ее стремительный рост. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в столице республики в этом году проживало около 572 тыс. человек, а в городской округе Махачкалы — 697 тыс. человек [Всероссийская перепись населения 2010]. Однако, скорее всего, в реальности число махачкалинцев ощутимо выше. Например, по оценкам Д. Соколова, «население города сейчас составляет около 700 тысяч человек, а если взять всю махачкалинскую агломерацию, то реальной может быть и цифра в миллион человек» [Северный Кавказ 2011: 257].

Старое и новое районирование

Этнические кварталы Махачкалы XX в. — наследство, доставшееся столице от дореволюционного прошлого. Л. Прибыльский в журнале «Вокруг света» отмечает, что население города составляли «татары, грузины, персы, армяне, дагестанцы, русские, евреи» [Прибыльский 1896; цит по: Тахнаева 2007: 66]. Они сели-

лись в районах, приобретавших соответствующий национальный колорит.

Район улицы Дахадаева считался армянским (улица ранее называлась Армянской), здесь жили зажиточные армянские купцы. В этом же квартале находилась армянская церковь. На пересечении ул. Котрова (бывшая Персидская), Малыгина и Леваневского жили персы¹, портовые грузчики, матросы и торговцы [Анохина 2013: 11; Далгат 2008: 107]. В этом квартале была расположена персидская мечеть, где собирались для молитвы мусульмане, исповедовавшие ислам шиитского толка (мечеть действует и по сей день). На ул. Г. Гамидова находились принадлежавшие персам (купцам из иранского Азербайджана) караван-сарай [Тахнаева 2007: 77]. К этим районам примыкал компактный еврейский квартал (сейчас на его месте располагается гостиница «Ленинград»), он тянулся до современного Анжи-базара [Анохина 2013: 67].

Русским считался район Первая Махачкала, находившийся около железнодорожной станции. Бывший поселок Петровск Кавказский стал районом города, получившим свое название от расположенной здесь железнодорожной станции «Махачкала 1» [Далгат 2006: 116]. Здесь жили железнодорожные рабочие, большинство из которых были русские. Район Первой Махачкалы («Первухи») воспринимался как русский до начала 1990-х. По некоторым данным, в конце XIX в. здесь также жили осетины [Тахнаева 2007: 76]. Недалеко от станции находится единственная сохранившаяся до настоящего времени православная церковь города — Успенская. Русские также жили недалеко от городского маяка, а также в районе так называемого Молочного хутора (район современной ул. М. Гаджиева).

Кумыкское население, согласно данным В. Марковина, на которые ссылается большинство исследователей истории Махачкалы, селилось на ул. Таркинской (согласно данным В. Марковина, это нынешняя ул. 26 Бакинских Комиссаров, по другой информа-

¹ Возможно, персами называли прибывших в Петровск для работы в порту азербайджанцев из Баку и так называемого иранского Азербайджана. По некоторым данным, перед войной те из них, кто не принял советского гражданства, подверглись выселению [Анохина 2013: 165].

ции — ул. Сулеймана Стальского) [Марковин 1988; Магомедов 2000: 63, Анохина 2013: 397], а также в селах Тарки, Агачаул, Кяхулай, Альбурикент, находящихся недалеко от города [Анохина 2013: 129], сегодня они уже фактически часть столицы.

Таковой в общих чертах была этническая карта старого Петровска, а затем и Махачкалы. На протяжении всего советского периода этническая специфика центральных кварталов понемногу размывалась и изменялась², виной тому социальные катаклизмы — репрессии, война, перепланировка города, природные — осушение болот, землетрясение 1970 г., после которого в городе появились новые районы. Однако до 1980-х годов описанная этническая специфика «старой» части города, судя по всему, еще была актуальной.

Таблица

**Этнический состав Махачкалы в 1989 и 2002 гг.³
[Всероссийская перепись населения 2002]**

Этническая группа	1989 (чел. / %)	2002 (чел. / %)
Аварцы (вместе с андоцезскими народами)	66 394 / 19,68	146 321 / 26,84
Агулы	1445 / 0,43	3657 / 0,67
Азербайджанцы	5507 / 1,63	6750 / 1,24
Армяне	1983 / 0,59	1711 / 0,31
Даргинцы	39 205 / 11,62	75 891 / 13,92
Евреи (в т.ч. горские)	3413 / 1,01 (+783) / (+0,23)	430 / 0,08 (+61) / (+0,01)
Кумыки	52 585 / 15,58	96 616 / 17,72
Лакцы	36 947 / 10,95	70 987 / 13,02
Лезгины	30 546 / 9,05	65 633 / 12,04
Ногайцы	2807 / 0,83	5148 / 0,94

² Помимо привычных «этнических» кварталов в городе периодически возникали и экзотические, например в районе ул. Маячной в 1920–1940-е годы жили семьи бежавших из Болгарии коммунистов, даже организовавших в том районе свой овощеводческий совхоз. В 1946 г. большинство из них вернулось к себе на родину [Анохина 2013: 245].

³ Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. по этническому составу города на момент написания статьи еще не были доступны.

Русские	68 766 / 20,38	43 644 / 8,0
Рутульцы	2343 / 0,69	5974 / 1,10
Табасаранцы	5044 / 1,49	11 124 / 2,04
Таты	5759 / 1,71	417 / 0,08
Украинцы	3673 / 1,09	1229 / 0,23
Цахуры	619 / 0,18	2098 / 0,38
Чеченцы	1406 / 0,42	1343 / 0,25

Уже в 1990-е годы многие районы практически полностью меняют своих «хозяев». Например, считавшийся русским район Первой Махачкалы в 1990-е годы заселяется преимущественно лакцами, а с начала 2000-х годов и аварцами. Еврейский квартал тоже в значительной мере утратил прежнее население и в настоящее время подвергается значительной перестройке: сейчас это престижное место в центре, где цены на землю значительно превышают среднегородские. Тем не менее, здесь кое-где еще можно увидеть старые махачкалинские дома с изображенными на фасадах звездами Давида — памятники ушедшей эпохи.

Молочный хутор и ул. Маячная в последние годы являются лидерами по стоимости недвижимости, неудивительно, что у прежних хозяев был велик соблазн продать свои участки. В целом центральная часть «этнической» Махачкалы находится в зоне высоких цен на землю, что способствует изменению состава населения. Скорее всего, в отношении центра уже правомерно говорить об имущественном, а не об этническом специалитете.

Современная карта города в этническом плане очень неоднозначна. Основываясь на данных Всероссийской переписи населения 2002 г. [Всероссийская перепись населения 2002], можно с учетом погрешностей увидеть этнический состав Махачкалы в целом и трех районов города в частности.

Город разделен на три района: Ленинский, Кировский и Советский, последний считается центральным. Наибольшее количество аварцев проживает в Кировском районе (30,5 %), наименьшее — в Ленинском (22,1 %), в Советском перепись зафиксировала 27,4 % аварцев. Большой процент аварцев в Кировском районе может объясняться близостью его к району Новой автостанции и

дороге на «аварские» районы республики (северо-западный, а по результатам последних волн миграции в равнинные районы республики⁴ и практически весь северный Дагестан).

Что касается лакцев, то больше, чем в других районах, они проживают в Кировском — 16,3 %, Ленинском и Советском — соответственно 12,3 % и 15,2 %. Большой процент лакцев, живущих в Кировском районе, можно объяснить все тем же близким расположением его к Новой автостанции — оттуда выезжает транспорт в сторону Лакского и Кулинского районов. Значительное число лакцев, живущих в центральном районе, может быть объяснено относительно ранними сроками начала миграции лакцев из горных районов в промышленные центры страны — Каспийск и Махачкалу.

Большее число даргинцев, наоборот, зафиксировано в Ленинском районе (16,3 %), который ближе всех к трассе, уходящей в сторону юга и расположенных там «даргинских районов», тогда как в Кировском их 10,8 %, а в Советском — 13,8 %.

Лезгин также проживает больше в Ленинском (15,4 %), чем в Кировском (12,8 %) и Советском (12,5 %) районах — из Ленинского района дорога уходит и на Южный Дагестан. Скорее всего, по этим же причинам наибольшее число табасаранцев, агулов и рутульцев живет в Ленинском районе (2,6 %, 0,9 % и 1,5 % соответственно).

Число кумыков примерно одинаковое в Ленинском (14,7 %), примыкающем к кумыкским селам, и Советском районах (14,2 %), в Кировском их число наименьшее (12,6 %).

Русские в целом равномерно расселены по всем районам столицы и составляют от 9,3 до 8,9 % — в отношении Советского района это может быть объяснено тем, что они уже давно живут в столице. В Кировском и Ленинском районах находились крупные промышленные объекты, где работало много русских. Очевидно, что русские также равномерно покидают все районы города. Как видно из таблицы, на 1989 г. они составляли более 20 % населения, тогда как уже в 2002 г. — лишь около 9 %. Их

⁴ Подробнее об этом см.: [Карпов 2011].

отъезд связан не только с закрытием того или иного завода, но и с общей нестабильной экономической и социальной обстановкой в республике.

В целом, основываясь на приведенных данных, можно проследить некоторую закономерность в том, что выходцы из Центрального («даргинских» и «южных кумыкских» районов) и Южного Дагестана предпочитают селиться в южном Ленинском районе, выходцы из «аварских» районов — в северном Кировском. Центральный Советский район дает более неоднозначную картину. В качестве гипотезы можно отметить важность времени переселения мигрантов. Лакцы и кумыки раньше мигрировали из сельских районов в города, поэтому их количество выше в центре города, где они в советское время могли получить квартиры и дома через предприятия. Лишь немногие мигранты последних лет могут позволить себе жилье в центре.

Данные о новых этнических анклавах в Махачкале, собранные мною методом интервью, дают противоречивую информацию. Например, для некоторых информантов этнические районы Махачкалы — реальность и сейчас, кто-то, наоборот, считает, что они ушли в прошлое вместе с Армянской и Персидской улицами и отъездом русских. Противоречивы и данные об этнической специфике тех или иных микрорайонов. Например, по данным одного экспертного интервью сейчас можно назвать кумыкскими районы города, примыкающие к с. Тарки, а также 5-й поселок. И если Тарки все еще воспринимаются всеми информантами как кумыкское селение, то кумыкская специфика 5-го поселка подвергается многими информантами сомнению. Редукторный поселок⁵ и прилегающие к нему районы один эксперт видит как лезгинский и табасаранский, однако другой эксперт не подтверждает эту информацию.

Единственный район, этническая специфика которого отмечается большинством информантов — это северная окраина города.

⁵ Редукторный поселок — некогда окраинный район Махачкалы, расположенный на выезде из города в сторону Каспия.

Район вокруг Новой автостанции и Сепараторного поселка является собой пример трансформации городского района в постсоветский период. Этот район опишу подробнее.

Сепараторный поселок — окраинный район Махачкалы. Этот район получил свое название благодаря расположенному здесь Дагестанскому машиностроительному заводу сепараторов. Район находится на северо-западе столицы, на выезде из города в сторону Буйнакса и северных районов республики.

Еще несколько лет назад Сепараторный являлся синонимом непрестижной окраины, максимально удаленной от центра столицы. Объявления о покупке жилья в городских газетах неизменно содержали в себе пояснение «Редукторный и Сепараторный не предлагать»⁶. Сюда практически не ходил общественный транспорт, а населяли его в основном работники вышеупомянутого завода, а также завода радиотоваров. Поскольку работали на этих заводах преимущественно русские, район считался «русским».

Рядом с Сепараторным поселком располагался так называемый «Научный городок», где, по сообщению одного из старожилов района, проживало значительное количество лезгин. В целом, район считался хоть и очень удаленным, но тихим и спокойным.

В 1990-е годы заводы стали нести убытки, к настоящему моменту они хотя и продолжают существовать, но уже не являются районообразующими предприятиями — количество рабочих и объемы производства снизились в разы по сравнению с советским прошлым. Отток русского населения за пределы республики, характерный для Дагестана 1990-х, затронул и Сепараторный — многие (преимущественно рабочие) уехали отсюда. Наряду с этим наметилась другая тенденция — заселение Сепараторного переселенцами из западных и северных районов Дагестана. В результате на сегодняшний день в районе очевидно велик процент аварцев и представителей малых этнических групп из районов высокогорного Западного Дагестана⁷. Многие улицы в этом райо-

⁶ Рост города за последние годы привел к тому, что Редукторный стал практически одним из центральных районов столицы.

⁷ Далее аварцами здесь будут именоваться как непосредственно аварцы, так и выходцы из Ахвахского, Цумадинского, Цунтинского, Ботлихского районов,

не города, а также в примыкающем к нему поселке Семендер носят названия дагестанских сел, преимущественно расположенных в северных горных, т.е. «аварских», районах республики. Это же касается и названий местных кафе и магазинов.

В последние годы главной районообразующей структурой, в значительной мере определяющей облик Сепараторного, стал так называемый Цумадинский рынок. Организованный в середине 2000-х годов, Цумадинский рынок занимает достаточно большую площадь в непосредственной близости от Новой автостанции, откуда уходят маршрутные такси в западные и северные районы республики, а также в другие регионы страны. Свое название рынок получил по наименованию Цумадинского района, выходцы из которого по преимуществу и организовали его более пяти лет назад. Первоначально здесь действительно работало много цумадинцев, директор рынка также являлся уроженцем этого района. Впоследствии рынок так разросся, что фактически утратил районную специфику — сейчас здесь торгуют и выходцы из других районов, преимущественно аварских. Торговцы и хозяева рыночных палаток и вагончиков предпочитают снимать и покупать квартиры, а также строить дома в окрестностях рынка — в тех же Сепараторном поселке и Научном городке. В итоге вблизи рынка можно выделить и «цумадинский» район, состоящий из кварталов с частной застройкой и многоэтажных домов, многие из которых и построены, и заселены уроженцами Цумадинского и соседних «аварских» районов.

Район Цумадинского рынка удивляет приезжего наблюдателя прежде всего обилием исламских магазинов и ателье по пошиву исламской одежды. Процент женщин, носящих хиджаб или по крайней мере покрывающих голову платком, по моим наблюде-

где проживают группы, которые принято относить к малым андо-цезским народам. Проблема этнической дефиниции данного региона не проста и не является темой данной статьи. Я разделяю точку зрения на проблему этничности в парадигме конструктивистского подхода. В данном случае следует заметить, что далеко не все представители вышеназванных этнических групп отказываются от аварской этнической идентификации в пользу каратинской, цезской или ботлихской. Для многих информантов андийская и аварская идентичности просто задействованы на разных уровнях.

ниям, здесь ощутимо выше, чем в других районах города. Это можно объяснить, во-первых, близостью автостанции, куда ежедневно прибывают десятки маршруток из горных районов республики, где подавляющее большинство женщин практикует ношение платка. Во-вторых, данный район активно застраивается лишь в последние десять лет и процент жителей с большим стажем пребывания в городе здесь явно ниже, чем в центральных районах. В-третьих, по моим наблюдениям, достаточно высокий уровень религиозности у жителей районов высокогорного Западного Дагестана способствует распространению так называемой исламской одежды и прежде всего хиджаба.

Исходя из данных, полученных из интервью, а также на основании моих наблюдений район Новой автостанции и Сепараторного ныне можно условно называть «аварским» (микрорайоном с преобладающим аварским и андо-цезским населением), более того, он заселяется в основном выходцами из западных горных районов республики (Цумадинский, Ботлихский, Цунтинский и др.). Однако пока (или уже) пример района Новой автостанции может считаться скорее исключением.

Информанты, как уже было отмечено выше, как правило, либо затрудняются обозначить этническую специфику того или иного района, либо дают противоречивую информацию. Однако почти все могут назвать районы города, где компактно проживают выходцы из тех или иных селений Дагестана. Действительно, в настоящее время для мигрантов из горных районов довольно распространенным стал принцип компактного расселения в одном квартале выходцев из одного селения (исключение — центр города, где расселение, как уже было отмечено, определяется во многом стоимостью жилья). Тем не менее, по замечанию Д. Соколова, «это необязательно и отражает скорее не корпоративную структуру города, а технологию и историю освоения нового городского пространства выходцами с гор. Кроме компактного проживания выходцев из одного села может быть и компактное проживание представителей одного тухума, одной профессиональной или бизнес группы <...> Впрочем, общность сельских корней и общность бизнеса могут в значительной мере совпадать. Есть эко-

номические ниши, занятые (практически монополизированные) представителями одного села. Так, выходцы из села Хаджал-Махи скупают золото, держат ломбарды и пункты обмена валют на улице 26 Бакинских Комиссаров, это место так и называется — “биржа на 26-ти”⁸ [Северный Кавказ 2011: 262].

Тенденция компактного расселения выходцев из того или иного селения в определенных районах города отражается и на его топонимике. На окраине столицы и в прилегающих и, по сути, фактически влившихся в нее поселках появились улицы Ботлихская, Кумухская, Гунибская, Левашинская, Хучнинская, Хушетская и другие (хотя не всегда названия улиц связаны с проживающими здесь людьми). Названия магазинов и кафе («Ботлих» у Сепараторного поселка, «Согратль» на ул. Магомеда Гаджиева и множество других примеров) также зачастую отражают сельский и, шире, районный принцип расселения тех или иных кварталов.

Этот принцип расселения напрямую связан с темой земляческих объединений в городских условиях Дагестана.

Этнический ресурс в городе

В пореформенном Дагестане тема этнического соотношения сил является чрезвычайно актуальной. Вся социальная и политическая жизнь республики 1990-х годов была во многом подчинена принципам этнической лояльности и этнической конфронтации. Даже высший законодательный орган Дагестана до введения института президентства в 2006 г. основывался на принципе этнического квотирования: члены Государственного Совета избирались по национальному принципу, по одному представителю от 14 «официальных» народов республики, причем все, включая русских, согласно республиканскому закону были определены как «коренные народы Дагестана».

Наряду с официальным этническим квотированием существовало и негласное, но, тем не менее, соблюдавшееся правило

⁸ Подробнее о некоторых районах с компактным населением из тех или иных селений см.: [Северный Кавказ 2011: 254–265].

сохранения этнического баланса в различных ключевых ведомствах республики. Отчасти этническое квотирование соблюдается и сейчас, однако, как отмечают многие информанты, острота противостояний в 2000-х годах, связанная с этнической принадлежностью, снизилась. Институт президентской власти, пришедший на смену Государственному Совету, отчасти снял актуальность самоопределения «непризнанных» народов республики⁹.

Помимо политической сферы актуальным может быть этнический ресурс и в экономической жизни Дагестана. Махачкалинцы, как и все жители республики, как правило, владеют информацией, в какой сфере работают представители того или иного «официального народа».

Так, информантами было отмечено, что в сфере, связанной с железной дорогой, в Пенсионном фонде, аэропорту, Центробанке работает много лакцев. Считается, что много аварцев работает в МВД, кумыков — в газовой сфере, лезгин — в прокуратуре республики, даргинцев — в правительстве города. В данном случае интересна не только и не столько этническая особенность того или иного бизнеса, сколько актуальность дискуссий на эту тему. Этническая специфика приписывается также и столичным вузам, не только в вопросе кадровой политики, но и в составе учащихся (якобы с приходом ректора одной национальности на первый курс вуза поступает больше представителей этой национальности).

Однако часто информанты, не отрицая наличия этнического ресурса в республике в целом, отмечали, что большую силу имеет ресурс сельский (подробнее см. ниже, а также: [Капустина 2012]).

Интересным является вопрос о русском ресурсе в городе. Согласно статистическим данным, начиная с 1970-х годов происходит отток русского населения из республики. В 1990-х годах, когда отъезд русских стремительно возрос, власти республики стали предпринимать меры по предотвращению снижения численности русских в Дагестане. В частности, был принят республиканский

⁹ Самым актуальным остается противостояние, основанное на земельных претензиях, выдвигаемых кумыками (и в меньшей степени ногайцами) по отношению к переселенцам на равнинные земли с горных районов республики.

закон о защите русскоязычного населения, фактически закрепляющий за русскими жителями Дагестана некоторые квоты и льготы. Права и интересы русских представляет специальная правительственная комиссия по защите русскоязычного населения. Так, по словам как информантов-русских, так и представителей других этнических групп республики, при высокой степени коррумпции в дагестанских вузах до введения ЕГЭ русские абитуриенты в большинстве своем поступали без помощи взятки.

Однако у такой «опеки» имеется и обратная сторона: по замечанию одного из информантов-экспертов, *русскому человеку продать свой дом в городе — большая проблема, т.к. он должен доказать, что его не притесняют, не выжидают* [ПМА 2010 г. МЗ1, Махачкала]. «Патронаж» русских со стороны официальных государственных структур компенсируется отсутствием неофициальных «этнического» и «сельского» ресурсов.

«Был такой город»¹⁰: «старые» и «новые» горожане на пороге конфронтации?

В городском дискурсе активно циркулирует тема Махачкалы как «потерянного города». Ее продуцируют те, кто является горожанином во втором и третьем поколении или живет здесь уже несколько десятков лет. Так в чем же и кем видится проблема «потерянности» города Махачкалы?

Как уже было отмечено, с начала 1990-х годов в силу многих причин горожане стали покидать беспокойную столицу. Прежде всего из республики выезжали русские: доля русских с 1989 по 2002 г. относительно всех жителей сократилась более чем в два раза, в последние 10 лет ситуация со всей очевидностью также

¹⁰ Так называлась рубрика республиканской газеты «Новое дело», посвященная прошлому Махачкалы. В статье помимо моих полевых материалов приводятся цитаты из интервью с махачкалинцами, взятые из одноименной книги С. Анохиной и П. Санаевой. Я сердечно благодарю С. Анохину за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью книги (на момент написания статьи книга находилась в печати). Некоторые цитаты из интервью не вошли в книгу, очевидно, из-за резкости высказываний, однако здесь будут приведены (без указания авторства). В этих случаях ссылка будет оформлена на материалы С. Анохиной.

развивается в этой парадигме. В городе упал процент евреев, как европейских, так и горских, украинцев, немного снизился процент чеченского, армянского и азербайджанского населения [Всероссийская перепись населения 2002]. Доля других народов Дагестана, напротив, выросла как в относительных цифрах, так и в абсолютных, причем не за счет подъема рождаемости среди горожан, а за счет активной миграции из горных районов Дагестана. Однако стоит подчеркнуть, что иммигрировали из Махачкалы не только русские и евреи, уезжали в поисках более безопасной и экономически стабильной жизни представители всех этнических групп, проживающих в республике. «Изначально городское население (из которого мигрантов в первом поколении было не меньше половины) составляет примерно 1/7 населения нынешней Махачкалы и не более 10 % махачкалинской агломерации. Именно они, в первую очередь представители еще советской городской интеллигенции, воспринимают Махачкалу как “свой” город» [Северный Кавказ 2011: 262].

Тема города, который поглотило село, — излюбленная в разговорах многих «старых» махачкалинцев¹¹. Основные их претензии к новому городу — стремительное разрушение именно городского культурного компонента, главными виновниками которого называются дагестанцы, приехавшие сюда на постоянное место жительства из сельских и прежде всего горных районов республики.

Знаешь, когда-то наш город называли дырой. И я вот иногда думаю: если тот прежний город, чистенький и уютный, был дырой, то что же сейчас? Нет, скажи мне, что же у нас сейчас? Да, улицы стали шире, дома — выше, машин — больше, но ушла

¹¹ Мы не используем слово «старожил», поскольку многие из тех, кто воспринимает себя носителем «старой» махачкалинской культуры, также махачкалинцы в первом поколении, приехавшие сюда учиться в юности. Однако, прожив здесь долгие годы и вырастив детей, эти люди в большинстве своем приняли городские правила игры и сейчас готовы их защищать. Следует отметить, что термин «старые махачкалинцы» не является категорией возраста. В эту социокультурную группу можно отнести и молодое поколение горожан, наследующих культурные ориентиры своих родителей и так же находящихся в пусть менее жесткой, но все же оппозиции «новым махачкалинцам».

аура городская, ушла городская культура (материалы к изданию [Анохина 2013], не вошедшие в книгу).

По словам информантов, в Махачкале деградируют различные сферы *городского* образа жизни¹². Например, отдельной темой дискурса о «потерянном городе» становится городская благоустроенность. Критикуют как политику городских властей (вырубка деревьев, хаотичная, уродующая облик города городская застройка, «уничтожение тротуаров» и т.д.), так и поведение самих горожан. Пакет с мусором, выброшенный из окна многоквартирного дома, становится метафорой отсутствия должного уровня культуры и «образцом поведения» именно «понаехавших» вчерашних сельчан, а сегодня махачкалинцев нового поколения.

Очень рельефно описан облик современной Махачкалы в повести А. Ганиевой «Салам тебе, Далгат»: «Дома так и норовили съезть тротуар вместе с наваленными кучками мусора. Кто обнес себе двор забором прямо по проезжей части, кто проглотил трансформаторную будку и дерево, кто на маленькой пяди земли возвел себе длинную, в шесть этажей башню. Забыв, что растут на плоскости, дома по горской привычке лепились друг к другу. Квартирные многоэтажки со всех сторон обрастали огромными пристройками и застекленными лоджиями, а частные саманные хаты упрямо и нудно обносились высокой стеной из модного желтого кирпича» [Ганиева 2010].

В 50-х Махачкала была небольшим уютным зеленым южным городом, дикая застройка города в первые постсоветские годы вне генерального плана, все эти ужасные пристройки изменили его лицо до неузнаваемости. Иначе как «большой кутан»¹³ мне

¹² Фактически фиксируется процесс «рурализации» города — активного пополнения рядов новых горожан за счет выходцев из села [Алексеев, Зубаревич 1999]. Ср. описание миграционных процессов в крупных российских городах времен НЭПа: «Урбанизация, фокусом которой является формирование качественно новой для общества урбанизированной культуры, вошла в противоречие с массовой миграцией, несшей в города архаичный потоп» [Ахиезер 2000: 84].

¹³ Кутан — населенный пункт, административно входящий в горный район, но расположенный на равнине, в зоне отгонного животноводства. Неблагоустроенность жизни на кутанах — отсутствие электричества, хороших дорог, хаотичность застройки вследствие ее фактической незаконности — является общеджестанским стереотипом.

*трудно назвать город, где прошли многие годы моей жизни*¹⁴ (материалы к изданию [Анохина 2013], не вошедшие в книгу).

Значительное раздражение высказывают адепты старой Махачкалы по поводу поведения и жизненных ориентиров молодых переселенцев, которые не только транслируют свой вариант городской культуры, но и, по мнению «старых» махачкалинцев, активно навязывают его. Например, по рассказам информантов, мини-юбки, которые носили махачкалинки в 1980-х годах, стали практически немыслимы в современном городском пространстве. Причем исчезли они под давлением не столько ревностных мусульман, сколько сельских парней, улюлюкающих вслед слишком вызывающе, *на их взгляд*, одетым девушкам.

Интересно, что тема женской одежды в Махачкале — традиционная для острых дискуссий сторонников тех или иных точек зрения на городскую и, шире, дагестанскую культуру. Например, большой общественный резонанс получила тема ношения жительницами Дагестана хиджаба, причем именно в столице вся острота этого спора заметна лучше всего. Мне доводилось слышать истории о принципиальном отказе водителя маршрутки везти девушек в хиджабах, равно как и о необыкновенной внимательности и благожелательности горожан к ним как к носительницам высокой нравственной культуры. Старые махачкалинцы, из адептов светского образа жизни, в разговорах зачастую очень негативно высказываются о практике ношения хиджабов, называя это не чем иным, как городской модой без какого-либо религиозного подтекста. Также они подчеркивают чуждость хиджаба для дагестанской культуры и предлагают ревнительницам женского исламского благочестия носить традиционные головные

¹⁴ Справедливости ради следует отметить, что общая негативная оценка старожилками современной архитектуры Махачкалы стороннему наблюдателю, приехавшему в город, порой может показаться преувеличенной и субъективной. Гуляя по улицам города, можно увидеть целые кварталы, застроенные добротными, а подчас и изысканными частными домами, фасады которых намекают на имеющееся у заказчиков и архитекторов чувство стиля и в целом вписаны в окружающий их городской контекст. Однако беспорядочная застройка основных центральных улиц вкупе с неухоженностью ранее построенных зданий перекрывает впечатление от этих немногочисленных архитектурных оазисов.

уборы горянок, такие, например, как чохто и платки [Тахнаева 2011]. Дискуссия о хиджабе заслуживает отдельного антропологического исследования и не является целью данной статьи, поэтому упомянута здесь лишь вскользь¹⁵. Однако сам факт наличия данной темы в общественном городском дискурсе, на мой взгляд, примечателен. Его отчасти можно рассматривать вкупе с другими подобными темами, объединяющимися в одну группу — разговоры об утрате горской культуры «на равнине» и, в частности, в городской среде.

Город, о котором я говорю, кончился в конце 80-х — начале 90-х <...> На смену нам пришли люди, не имеющие понятия о городской культуре и утратившие культуру горскую. И сейчас в этом городе только работа и спасает (материалы к изданию [Анохина 2013], не вошедшие в книгу).

Действительно, для горожанина неприемлемой оказывается не сама культура горцев (и шире — сельчан), а то, что при переезде в город она, на взгляд многих, трансформируется, уродуется и теряет «самое лучшее», сохраняя лишь «неподобающие» для города компоненты. Напротив, горская культура может восприниматься как непреложный нравственный эталон — в этом, пожалуй, едины как многие горожане со стажем, так и вчерашние сельчане, обосновавшиеся в Махачкале. Именно утрата горского и нежелание приобщиться к городскому — те грехи, в которых «старые» махачкалинцы обвиняют приезжих.

Я что хочу сказать. Сейчас совсем иные у людей ориентиры. В наше время немодно было быть «быком». Сельские мальчишки, попавшие в училище (художественное. — Е.К.) из сел по направлению, очень скоро переставали хихикать при виде репродукций с «обнаженкой». У них исправлялась речь, они впитывали городскую культуру. И была цель — стать интеллигентным человеком. Сейчас цель — остаться быком [Анохина 2013: 93].

Безусловно, подобное отношение к приезжим сельчанам было характерно и для горожан дореволюционной эпохи [Далгат 2008: 110], и для махачкалинцев советского времени.

¹⁵ Подробнее о дискуссии вокруг хиджаба см.: [Тахнаева 2011; Караханов 2009].

Была очень четкая разница между приезжими с гор и горожанами — вот там проходил водораздел. И женщин в платках пренебрежительно называли матушки. Я сначала думала, что из-за того, что они замотанные. Потом мне сказали, что это от того, что солдаты на Кавказе говорили: «Матушка, дай...» — и оттуда — матушки. В моей семье папа относился к дагестанцам (здесь — к приезжим. — Е.К.): «Ну что ты хочешь с него!» Это пренебрежение горожанина к сельским [ПМА 2011, г. Махачкала].

Однако, по словам той же информантки, до 1990-х годов городская среда имела силы и потенциал урбанизировать приезжих, отчасти потому, что миграционный поток был не столь интенсивным — не уезжало столько горожан и не приезжало столько сельских жителей, а непонимание друг друга столь явным. Сейчас городская масса состоит уже из другого. Раньше город переваривал приезжих, а сейчас их слишком много [ПМА 2011, г. Махачкала].

Похожее ощущение потери горожанами своего города описано в статье Ц. Дариевой на примере Баку. «В интервью Ибрагимбеков — бакинец, который последние тридцать лет прожил в Москве, — сокрушался по поводу утраты Баку самобытной городской идентичности. Город, по его мнению, необратимо изменился после того, как в начале 1990-х его покинула половина жителей, на место которых прибыли сельские мигранты, “не подготовленные к городской жизни”» [Дариева 2011].

При этом отъезд «старых» махачкалинцев воспринимается как невосполнимая потеря сторонников в конфликте двух сил. Даже риторика напоминает военную: *Город потерял многих* [ПМА 2011, г. Махачкала]. Противостояние, конфликт нередко подчеркиваются в разговорах. Примечательна история, рассказанная мне одной из жительниц Махачкалы, о том, как она делает замечание развязно и громко разговаривающим на улице молодым людям, в которых она сразу опознает «недавно спустившихся с гор». Она не только призывает их тише и приличнее себя вести, но и напоминает им, что это *ее город* и они должны подчиняться местным, *городским*, правилам.

Вообще метафора захвата или даже убийства города очень часто используется в дискурсе о новой Махачкале.

*Ясно, что Махачкала изменилась и не в лучшую сторону. Город, пусть и не самый лучший и не самый красивый, убит. И не только варварским строительным бумом. Мы ходим теперь по практически неизвестному городу и не видим знакомых лиц. Перестройка вымыла костяк — тех горожан, на которых все держалось. Я не о русских говорю, я говорю о специалистах — прекрасных педагогах, врачах, юристах. Останься здесь эти люди — всего этого не было бы. Они пишут письма из других стран и городов, они тоскуют, не понимая, что **того города, их города, уже нет** (материалы к изданию [Анохина 2013], не вошедшие в книгу).*

Резюмируя вышеописанное, можно отметить, что для тех, кто ассоциирует себя со старой Махачкалой, т.е. Махачкалой, существовавшей до периода миграционного бума 1990–2000-х годов, нынешнее стремительное «сползание с гор» соотечественников воспринимается практически как нашествие варваров. И у многих из них, насколько мне удалось понять, есть ощущение, что они этим «варварам» проиграли.

Раньше я любил свой город весь. Целиком. А теперь, знаешь, вот тут и еще вон там и чуточку вот здесь. Я не узнаю его. И не потому, что он разросся, он просто стал чужим (материалы к изданию [Анохина 2013], не вошедшие в книгу; см. также: [Анохина 2013: 108]).

Между Махачкалой «старой», где помнят прежнюю топонимику, этническую специфику центральных кварталов и намеренно не замечают «Сипорку»¹⁶ и ее обитателей, и Махачкалой «новой», хаотично расплзающейся в стороны окрестных сел и колхозов, сердцем республики, неустанно перекачивающим через себя людской поток новых горожан, есть невидимый забор. Светская столичная интеллигенция и блюз, танцы разнополых пар, авангардные выставки находятся по одну сторону этого забора. В этих условиях стратегию поведения «старых» махачкалин-

¹⁶ Сепараторный поселок.

цев порой можно назвать культурной сегрегацией. Немногочисленные бары, где любит собираться «старая» Махачкала, ввели «фейс-контроль», который можно охарактеризовать грубоватой фразой «быкам входа нет».

Вы удивляетесь, что я пришел на встречу, даже не поняв толком, кто именно мне звонит? Так это сейчас все настроженные стали, недоверчивые, а в том городе, который я знал, часто даже двери не запирали, а люди были открытыми и доброжелательными. И вот в том именно городе, несмотря ни на что, ни на какие внешние обстоятельства, я продолжаю жить (материалы к изданию [Анохина 2013], не вошедшие в книгу; см. также: [Анохина 2013: 112]).

По другую сторону забора гораздо более разнородная масса людей. Среди них есть и обратившиеся к исламу дагестанцы, противопоставляющие светской городской культуре хиджаб, соблюдение поста, отказ от спиртного и дискуссии о запрете празднования неисламского праздника Нового года, и бывшие сельчане, старающиеся обустроить себе здесь место под солнцем (а также секцию¹⁷ или дом в столице) при помощи сельских социальных сетей и ресурса спортивных сообществ¹⁸.

Эти последние, «новые» горожане, воспринимают город по-своему. Для них, как мне показалось, конфронтация со «старыми» махачкалинцами в принципе неактуальна. Они уже живут в другом городе и активно моделируют эту свою, в какой-то мере новую Махачкалу.

Для новых горожан Махачкала обладает характерной для столиц амбивалентностью. С одной стороны, это город возможностей. Место, где сосредоточены финансовые, политические, а также культурные и образовательные активы республики.

С другой стороны, популярен образ Махачкалы как средото-

¹⁷ Квартира в многоквартирном доме.

¹⁸ Справедливости ради стоит отметить, что в богатой инвариантности махачкалинских типажей можно встретить как тех, через кого символическая граница прошла насквозь — как «старых» горожан, выбравших для себя путь строгого исполнения религиозных предписаний и открытого неприятия «неисламских» культурных реалий, так и тех, кто умудряется вовсе не замечать существования пресловутого забора.

чия греха и, в первую очередь, «черной дыры» нравственности. В селениях не раз приходилось слышать драматические истории про студентов, отправляющихся учиться в вузы столицы, но, поддавшись тлетворному влиянию города, попадающих работать в пресловутые сауны (фактически публичные дома).

Получается, что нынешняя столица республики заработала в общественном дискурсе (или дискурсах) в целом негативную оценку не только у «старых» махачкалинцев, но и у горожан-неофитов. Махачкала представляется и опасной, и неприветливой, и в принципе уже/еще чужой территорией. Как отмечает Д. Соколов: «Ее принято ругать за все: за климат, за грязь, за пробки, за плохую экологию, за отвратительное состояние дорог, за низкий уровень коммунальных услуг, за варварскую застройку центра, за трущобную, несанкционированную, почти стихийную застройку окраин, за грязный пляж, за низкую культуру горожан, за то, что село переварило город, за то, что город развращает село и т.п.» [Северный Кавказ 2011: 263].

Конечно, не стоит представлять этот город как окрашенную лишь в черный и белый цвета территорию, на которой происходят конфликты между «старожилами» и «неофитами». Границы этих немного схематично нарисованных сообществ открыты: кто-то из вчерашних посетителей баров обращается к религии, кто-то, недавно приехав из горного села, уже спешит воспринять нормы поведения «старой» махачкалинской интеллигенции, кто-то одинаково равнодушно смотрит и на тех, и на других, находя свое место в этом городе.

Если для «старых» махачкалинцев сегодняшняя Махачкала чужая в противовес вчерашней «своей» Махачкале, то для вчерашних сельчан чуждость Махачкалы явно прорисовывается именно при сравнении с другим, «своим», пространством — родным селением. В связи с этим одна из задач, встающих перед новыми горожанами, не утратить связь со своим селением как залог сохранения собственной, в данном случае сельской, идентичности, столь актуальной для дагестанцев и сегодня.

Вид на город

Памятник М. Дахадаеву у махачкалинского вокзала

Земляческие сообщества и сельский ресурс в городе

Поскольку, по оценкам экспертов, более 70 % махачкалинцев — горожане в первом поколении, т.е. родились они по большей части в сельских населенных пунктах республики, наше внимание обращено на то, какие связи сохранились у них с родным селением и в чем они выражаются. Ниже будут рассмотрены примеры взаимодействия села и города на примере селений Чох, Согратль, Кубачи и Карата с привлечение данных по некоторым другим селам. Следует заметить, что случай каждого селения по своему уникален, но, тем не менее, можно высказать ряд обобщающих замечаний¹⁹.

Кубачи

Один из самых известных и, что самое главное, до сих пор актуальных брендов Дагестана — «город мастеров» Кубачи. Знаменитый промысел серебряных дел мастеров не только жив, но и является для многих кубачинцев основным источником заработка. В настоящее время кубачинцы изготавливают главным образом разнообразное столовое серебро, ювелирную продукцию, сувенирное оружие (в основном гравировка и чернь ножен и рукоятей, в то время как сами клинки делают другие мастера, чаще всего лакцы). По итогам переписи 2010 г. в селении проживает 3155 человек.

Подобно другим дагестанским селениям, Кубачи затронул переселенческий бум XX в. В послевоенные годы кубачинцам, как и многим другим жителям горных районов Дагестана, в рамках переселенческой политики республики было предложено переселиться в равнинные районы. (Так, после депортации чеченцев на опустевшие в результате депортации территории Чечни были переселены жители соседнего Сулевкента, после возвращения чеченцев переехавшие в Хасавюртовский район). Однако сель-

¹⁹ Возможность заселения города посредством локальных постсельских сообществ, в частности, упомянута в статье Р. Парка: «Колония иммигрантов чаще всего — это не что иное, как пересаженная на новую землю деревня, Америка фактически была колонизирована не расами или нациями, но деревнями» [Парк 2002б: 16].

чане отказались переселяться как на север, так и в Южный Дагестан, в Карабудахкентский район. Не состоялось стихийного переселения на равнину Дагестана и в 1980–1990-е годы. Сегодня в равнинном Дагестане нет селения, где компактно проживали бы выходцы из Кубачи.

Временная трудовая миграция всегда была характерна для местных ремесленников. Так, значительное число кубачинцев издавна уезжало из селения в крупные города российского Кавказа, где они открывали свои мастерские. Уже в 80-х годах XIX в. можно было встретить кубачинских мастеров не только в Тифлисе, Баку и Владикавказе, но и в некоторых городах центральной России, в городах Османской империи, Персии, арабских государствах [Шиллинг 1949: 17].

В советский период организованная в селении артель, а затем и Художественный комбинат давали кубачинцам определенное количество рабочих мест. Тем не менее, некоторые мастера находили возможности уезжать на заработки. С 1960-х годов кубачинцев, как и многих ремесленников-отходников из Дагестана, манили города и кишлаки советской Средней Азии, где кубачинские ювелиры нашли рынки сбыта своей продукции. Поэтому уже в позднесоветский период в городах Узбекистана и Таджикистана проживает большое количество выходцев из Кубачи. Хотя кубачинцы владели домами и жили там несколько десятков лет, но их связи с исторической родиной не обрывались. Как правило, кубачинцы, жившие в Средней Азии, приезжали в селение во время свадеб и похорон кого-либо из родственников. Женихов и невест для молодых людей часто также присматривали в Кубачи, поскольку существовала ориентация на браки с односельчанами (к слову, это актуально и для современного Кубачи), браки с местными жителями (русскими, узбеками и т.п.) были редкостью. Сегодня в селении проживает много женщин, проводивших свое детство в Ташкенте или Самарканде и вышедших замуж в Кубачи.

В 1990-е годы наметилась новая тенденция — возвращение «кубачинцев-среднеазиатов» в Дагестан, начавшееся после распада СССР и продолжающееся до настоящего времени. По оценкам одного из информантов, сейчас в Кубачи проживает около

ста семей, возвратившихся из Средней Азии. Интересно, что эти мигранты в основном приезжают именно в родное селение, а не в города Дагестана — такой вариант возвратной миграции, в целом, нехарактерен для республики. Конечно, есть соблазн объяснить этот феномен только экономическими причинами — стоимость жилья в Махачкале и других дагестанских городах ощутимо выше, чем в Кубачи. Однако пригороды и равнинные селения традиционно выручают тех, кому не хватило средств расположиться в городах. Так поступает или планирует поступить большинство бывших сельчан, возвратившихся в республику из других регионов. Но не кубачинцы! По словам информантов, Кубачи не постигла участь многих горных селений, стремительно теряющих свое население. В последние годы в некоторой степени ситуация складывается прямо противоположная — кубачинцы, в свое время уехавшие из Кубачи на постоянное место жительства в столицу республики и другие дагестанские города, начинают возвращаться в селение.

В селение стремятся выходцы и из других селений района. Хотя кубачинцы жалуются на то, что работа с серебром приносит незначительный доход, многие семьи, особенно молодые, не держат домашний скот, предпочитая покупать мясомолочную продукцию у соседей или в соседних селениях, практически не заняты кубачинцы и в сфере торговли и обслуживания. Все эти ниши занимают приезжие из других селений Дахадаевского района.

Есть еще одна причина возвращаться в родное село. Мастера могут заниматься обработкой серебра на дому, а для некоторых технологических операций, таких как, например, прокат серебряных листов и полировка, используется оборудование ГУП «Кубачинский художественный комбинат». К тому же особенность кубачинского промысла состоит в том, что часто мастер специализируется на какой-то одной операции и, следовательно, нуждается в коллегах вследствие специализации мастеров в определенной технике металлообработки. В итоге мастера-кубачинцы, несмотря на естественную конкуренцию между собой, порой нуждаются друг в друге и, следовательно, это является еще одним стимулом жить вместе. *Там чем удобно, если он, допустим,*

гравировщик, значит, есть там рядом тот, кто может монтировать. Это и есть удобство. Плюс к этому, у всех кубачинцев, которые жили не в Кубачи, но имели корни, имеются свои дома. Зачем возвращаться куда-то, если есть свой готовый дом [ПИМА 2011, г. Махачкала]. Хотя справедливости ради следует заметить, что есть определенное количество мастеров, самостоятельно выполняющих всю работу от начала до конца (порой силами всей семьи).

Однако, несмотря на приведенные выше данные, многие семьи кубачинцев все же переехали на плоскость, главным образом, в столицу республики, где сегодня, по оценкам самих кубачинцев, проживают более 500 семей. Еще около 150 семей живут в соседнем Каспийске, около 200 семей поселились в других дагестанских городах (например, в Дербенте). В самом же Кубачи из 3000 жителей живут только около 2000 коренных кубачинцев, остальные — выходцы из соседних селений. Таким образом, количество кубачинцев, живущих за пределами родного села, фактически больше, чем оставшихся в селе.

В Махачкале есть микрорайон, где, по утверждению информантов, проживает достаточно много семей выходцев из Кубачи, — это улица Абубакарова рядом с городской больницей. Этот район города заселялся сельчанами с середины 1990-х годов. Однако селились кубачинцы и в других районах, тем более что в последние годы стоимость недвижимости в центре очень поднялась, и она стала доступна далеко не всем. В результате рынок и личные предпочтения внесли коррективу в выбор жилья, хотя желание быть поближе к родственникам и сельчанам также играло свою роль.

Переехавшие в столицу кубачинцы не всегда порывают со своим промыслом. Многие продолжают заниматься изготовлением серебряной посуды и ювелирным делом, организуются целые предприятия, как правило, объединяющие мастеров-надомников (часто они работают в Кубачи) и организующие сбыт продукции по республике и за ее пределами. Таким образом, не только отличный от других кубачинский язык, культурные особенности, родственные связи, эндогамные стратегии и сель-

ская идентичность, но и общий, достаточно закрытый для других бизнес стимулируют бывших односельчан активно общаться в городском пространстве.

Односельчане проводят в столице еженедельные футбольные тренировки — типичный для дагестанских землячеств вариант сельской консолидации в городе (подробнее будет рассмотрен ниже).

В 2010 г. группа кубачинцев (все они проживают в Махачкале) инициировала организацию Кубачинского общественного совета (далее — КОС) на общественном собрании кубачинцев. Еще раньше существовала общественная организация «Молодежь Кубачи», объединявшая молодых инициативных махачкалинских кубачинцев.

Сейчас в КОС 20 человек: председатель, три заместителя и рядовые члены. Существует устав КОС, принятый 26.03.2011 и опубликованный на сайте «прогрессивной кубачинской молодежи» «Угбуган». Указанные в положении задачи общественного совета довольно туманны, в основном провозглашаются анализ принятия и исполнения решений общего собрания, подготовка общественно-значимых мероприятий, поддержка сельской администрации и т.п. [Положение Кубачинского общественного совета].

В КОС входят кубачинцы, проживающие в основном в Махачкале, несколько человек из Дербента, а также нынешний глава «МО “Кубачи”». Последний фактически является единственным живущим в селе членом КОС, остальные уже проживают вне Кубачи. Большинство же живущих в селении кубачинцев, по словам инициативного члена КОС, относятся к его деятельности «по доброму, но без особого энтузиазма» [ПМА 2011, г. Махачкала].

Анализируя декларируемые цели КОС, можно заметить, что все они касаются развития горного села.

Задачи, которые сегодня стоят перед селами в горах, они не решаемы тем бюджетом села, который у них имеется и теми силами сельчан, которые там проживают, невозможно решить [ПМА 2011, г. Махачкала].

В качестве основных целей КОС один из инициаторов его организации Р. Таилов называет скорейшую газификацию Кубачи (трубы уже проведены, но газа в селе до сих пор нет), строительство новой дороги в село, ремонт мостов, посадка деревьев в Кубачи, субботники накануне 9 мая (фактически День села) и прочие меры по благоустройству села. Поучаствовать в этих мероприятиях приезжают многие горожане.

На базе КОС создан также благотворительный фонд «Культурное наследие Кубачи», собирающий денежные средства на различные нужды села и сельчан.

Одна из инициатив КОС — проведение переписи кубачинцев (в идеале — всех кубачинцев в мире при помощи интернет-ресурсов). Активистами была разработана анкета, где предлагалось указать личные данные, образование, место и опыт работы, занимаемые должности (в том числе во властных структурах и общественных организациях), адрес, телефон, другие контактные данные, степень владения кубачинским языком, награды, увлечения. Фактически при осуществлении подобного проекта КОС смог бы создать обширную базу данных по выходцам из Кубачи, которая давала бы неограниченные возможности по построению новой социальной сети, основанной на принадлежности к одному селу.

Таким образом, общественный совет функционирует в основном за счет постоянно живущих в городах кубачинцев, но вся деятельность его направлена на развитие родного села. Это, как будет показано ниже, является характерной особенностью земляческих объединений Махачкалы, построенных на основе сельской идентичности.

В формате деятельности КОС можно проследить существование характерной для дискурса активистов кубачинской «эмиграции» в Махачкале идеи о последующем возвращении горожан на «родную Итаку» — в Кубачи²⁰.

²⁰ Так, иммигранты из Южной Азии в Великобритании первоначально также рассматривали свое пребывание на земле Туманного Альбиона как временное, но после ужесточения иммиграционного законодательства вынуждены были отказаться от этой стратегии и перестали воспринимать свою жизнь в Велико-

Поэтому я говорю, что необходимо там создать хорошие условия и добиваться того, чтобы кубачинцы не уезжали. Тем более что сегодня пока еще сохраняется та тенденция, что в Кубачи возвращается молодежь. Возвращаются, представляете? Родился в Кубачи, за пределами Кубачи вырос, не в Кубачи он женился и вернулся в Кубачи [ПМА 2011, г. Махачкала].

Харбук

Селение Харбук, где проживает около 1700 человек, расположено в том же Дахадаевском районе и, подобно Кубачи, известно как один из главных ремесленных центров Дагестана. Особенно Харбук славился как главный центр по производству оружия в регионе.

Харбукцы специализировались в основном на кузнечном и оружейном промысле, изготавливая как холодное, так и огнестрельное оружие. Уже в период Кавказской войны Харбук снабжал нарезными винтовками не только горцев-сторонников Шамиля, но и казачьи отряды [Маргграф 1882: 97].

В 1926 г. сельчанам было запрещено изготавливать огнестрельное оружие, и далее этот промысел значительно сократился в объемах²¹. В 1935 г. всю легальную продукцию Харбука составляли сельскохозяйственный инвентарь, бытовые вещи, конская упряжь и перочинные ножи. В 1967 г. в селении был организован Харбукский комбинат художественных изделий, ориентированный на выпуск сельскохозяйственного инвентаря и печей [Юсупов, Муталимов 1997: 107–108]. Сегодня комбинат работает только на бумаге, многие станки распроданы или сломаны. Изготовлением ножей харбукцы предпочитали заниматься в своих домашних мастерских.

Сейчас у немногих мастеров периодически появляются заказы на искусно выделанные клинки, а также кинжалы, сабли и шашки,

британии как временную [Котин 2009: 48]. Подобную стратегию исследователи мигрантов и диаспор называют «мифом о возвращении» [Anwar 1979].

²¹ Второе рождение промысла в конце 1980-х — начале 1990-х связано с военными конфликтами на Кавказе, когда спрос на огнестрельное оружие возрос. Но после чеченских кампаний, наводнивших рынок доступным вооружением, изготовление ружей и пистолетов окончательно ушло в прошлое.

но главная проблема — сбыт произведений этого народного искусства, считающегося незаконным без специальных документов. В результате харбукские клинки почти полностью ушли в сферу «теневой экономики». Мастера чаще занимаются изготовлением печей — этот товар пока пользуется большим спросом.

Вопрос о переезде на плоскость затронул харбукцев в 1950-х годах, когда им предложили переселиться в один из плоскостных районов в окрестностях Дербента. Уже были выделены участки, но тогда, по словам одного информанта, старики категорически воспротивились переселению, сказав, что пока хоть одна черная курица живет в Харбуке, харбукцы не покинут родного места [ПМА 2009 М 33, Харбук]. Однако в 2006 году опять встал вопрос о коллективном переселении харбукцев с гор на плоскость: многие жители села собрались и написали заявление о предоставлении им участков в окрестностях с. Джемикент. При этом в середине 2000-х годов сельчане апеллировали к случаю с переселением советского времени, воспринимая ранее выделенную землю отчасти как уже свою.

В течение всего послевоенного периода, а особенно в период экономической стагнации и упадка 1980–1990-х годов пополнились ряды харбукцев, покинувших селение и переселившихся в города республики — Махачкалу, Избербаш, Каспийск, а также за пределы Дагестана — в Москву и другие города страны. В этих условиях для харбукцев также стал актуальным вопрос о сохранении связей между ставшими далекими друг для друга односельчанами. На помощь им пришел спорт.

Селение Харбук еще с советского времени славилось своей волейбольной командой, один раз она 10 лет подряд удерживала титул чемпиона района. Играть в волейбол в городе придумали харбукцы Каспийска. В 1995 г. состоялась первая игра харбукцев в Махачкале, а уже в 2002 году собираться вместе раз в неделю на игру в волейбол стали харбукцы в Москве. Сейчас в Дагестане за пределами села есть пять харбукских команд в пяти основных городах, куда едут переселенцы: Махачкала, Кизилюрт, Избербаш, Дербент, Каспийск. Первенство обычно удерживает Махачкала, за ней идет Каспийск.

Каждое воскресенье вечером живущие в Махачкале харбукцы играют в волейбол. Аренду зала оплачивает бизнесмен из Харбука, живущий в столице. Взрослые мужчины — крупные бизнесмены, чиновники, профессора, строители — не только с удовольствием приходят на игру сами, но и приводят своих сыновей, поясняя, что так молодежь, даже не живя в селении, будет знать своих односельчан и сохранять эти важные социальные связи. Волейбол для харбукцев-горожан — это не только и не столько спортивная игра, сколько клуб односельчан, площадка для общения. «Мы через волейбол, через зал, даже больше общаемся, чем в селе» [ПМА 2009, с. Харбук]. После волейбола мужчины обычно отправляются в баню, а потом — в пивную, где обсуждают прошедшую игру, а также проблемы и новости, связанные с жизнью односельчан.

В замыслах организатора волейбольных встреч — провести чемпионат по бильярду среди живущих на плоскости харбукцев, поскольку среди них много любителей этого вида спорта.

Спортивные соревнования не единственный способ объединения харбукцев. Вот еще один показательный пример: 27 декабря 2008 г. в Каспийске в бильярдной одного из харбукцев был устроен предновогодний вечер для односельчан и одновременно реклама его нового заведения (хотя половина пришедших все же были не харбукцы). Весь вечер гостей угощали пивом за счет заведения, организовали бесплатный бильярд и даже разыграли приз — автомобиль «Лада Приора». Лотерейные билеты стоимостью 1000 рублей (всего 350 штук) были распространены между харбукцами (главным образом, живущими в городах). В итоге заветную машину выиграл харбукец из Избербаша. Лотерея проводилась практически без прибыли для организаторов, поскольку главной их целью была встреча и развлечение односельчан.

Карата

В с. Карата, райцентре Ахвахского района, проживает 4,5 тыс. жителей (данные 2002 г.), сейчас, по оценкам информантов, в селении насчитывается около 800 хозяйств. Начиная с переписи 1959 г. официально причисляемые к аварцам каратинцы иден-

тифицируют себя в качестве отдельной этнической группы (каратинцами могут именоваться также выходцы из Арчо, Анчих и некоторых других селений, где говорят на каратинском языке). Подъем каратинской этнической идентичности пришелся на рубеж тысячелетий. В итоге, по данным переписи 2002 г., 6052 человека определили себя как каратинцы [Всероссийская перепись населения 2002 г.], из них большинство проживало в с. Карата²². Согласно переписи 2010 г., каратинцами записались 4787 человек [Всероссийская перепись населения 2010 г.].

Селение Карата не было вовлечено в переселенческие проекты середины XX в., однако в конце столетия не избежало общей миграционной тенденции в регионе. В условиях распада колхозной системы сельчане начали уезжать на заработки или переселяться в города республики. Спецификой Караты можно назвать относительно плодородные земли, принадлежащие селению и позволяющие жителям выращивать картофель, продажа которого стала для многих сельчан основным источником дохода (каратинский картофель в республике хорошо известен).

Большинство каратинцев, выехавших из села, поселилось в столице Дагестана. В Махачкале, по разным оценкам, насчитывается от 600 до 800 хозяйств (один из информантов назвал даже цифру в 1000 хозяйств). Также незначительное количество каратинских семей живет в Каспийске, Кизилюрте и некоторых населенных пунктах близ Махачкалы. Около 200 хозяйств есть на кутане в Хасавюртовском районе, который относится к администрации с. Карата.

Интересна специфика расселения каратинцев в Махачкале. Судя по оценке информантов, большая часть каратинцев, равно как и выходцев из других селений Ахвахского района, обосновалась вблизи Новой автостанции (речь идет о районе Сепараторного завода, городской части, примыкающей к нему, Цумадинскому рынку и въезду в город со стороны северных районов республики). В частности, в Научном городке есть улица, неофициально

²² Силами каратинских националистов каратинцы наряду с другими андоцезскими группами получили собственный код во Всероссийской переписи населения 2002 г. [Ахмеднабиев 2003: 85].

называемая Каратинской, где выходцы из села построили уже около 30 домов. Здесь в основном проживают члены одного каратинского тухума²³. Этот микрорайон среди односельчан в шутку называют Байжат-кала — по имени бабушки Байжат, внуки которой в немалом количестве обосновались на Каратинской улице. Первые поселенцы построили здесь свои дома в 1996–1997 гг., затем к ним начали подселяться родственники. Большинство из приехавших сюда занялось производством лепнины и отделкой квартир, сейчас это занятие определяется информантами как основное дело тухума.

Другой каратинский тухум проживает в Семендере, примерно десять каратинских семей, также родственников друг другу, живет в районе Первой Махачкалы.

В целом, как отмечают информанты-каратинцы, их односельчане могут проживать в различных районах города, однако примеры тухумного расселения и образование Каратинской улицы, на мой взгляд, может служить иллюстрацией существования определенной тенденции образования сельских анклавов.

На «каратинской» карте города есть места, где, как правило, собираются односельчане. Мне был назван один из ресторанов, расположенный все в том же районе Новой автостанции, где собираются каратинцы. Рестораном владеет выходец из села. В начале 2000-х годов один из авторынков Махачкалы был «каратинским» [Карпов 2007: 39].

В интервью были упоминания о том, что для совершения пятничного намаза выходцы из Карата в большинстве своем собираются или в мечети на ул. Малыгина, или в Центральной джума-мечети Махачкалы, есть мечеть и вблизи самой «каратинской» улицы.

Один из известных бизнесменов каратинского происхождения М. Муслимов предоставляет для собраний каратинцев свой офис. Сам он уже несколько лет возглавляет так называемое Каратинское общество, которое сейчас именуется Дагестанской региональной общественной организацией «Карата».

²³ Семейно-родственное объединение.

Пример селения Карата интересен тем, что вышеупомянутая общественная организация существует в Махачкале уже с 1989 г. Одной из основных задач общества была объявлена организация встреч односельчан за пределами села, а также сохранение и развитие культуры и языка малой родины в условиях проживания в городе. Для этих целей были организованы так называемые маевки, встречи односельчан в выходные в период с 1 по 9 мая. Организовывались праздничное угощение, конкурсы для детей, спортивные состязания. Встречи эти проходят до сих пор, хотя в последние годы активисты прошлых лет теряют интерес к их проведению, а другие сельчане инициативу не подхватывают. Зато нововведением последних лет стали «безалкогольные» маевки. Проводятся встречи на окраине Махачкалы в районе Сепараторного поселка в лесополосе на так называемой «каратинской поляне».

Стоит отметить, что встреча односельчан проходит и в Ахвахском районе, в лесу над с. Карата. Как правило, это происходит в начале августа, к этому времени в селение приезжают не только каратинцы со всего Дагестана, но и из Москвы и других крупных городов.

Силами каратинской общественности проводятся различные акции в поддержку каратинской культуры и языка: инициировано издание каратинско-русского словаря (при финансовом содействии Института эволюционной антропологии Макса Планка), издается газета «Ахвах единый» (на четырех языках, в том числе на официально бесписьменном каратинском). Недавно активистами был даже разработан флаг с. Карата.

Однако наряду с этими вопросами общественная организация «Карата» занимается и проблемами, непосредственно связанными с современной экономической и политической жизнью родного села. Например, в 2011 г. каратинцами был проведен ряд митингов, посвященных проблеме передачи 580 га земель МО «Карата» в распоряжение жителей других селений Ахвахского района. Митинг прошел в с. Карата, а также в Махачкале, в центре города перед зданием Аварского театра. В организации мероприятий протеста активную роль сыграли махачкалинские

каратинцы — активисты общества «Карата», они и возглавили его в столице. О значительной роли каратинцев-горожан в данном мероприятии говорит, в том числе, и сам факт проведения митинга против передачи земель из одного сельского муниципалитета в другой в Махачкале, и состав участников — по данным одного из информантов, из 1000 митингующих только около 200 человек приехали из села, остальные участники проживали в городе. По словам главы сельского джамаата А. Алиева, такая пропорция объясняется также тем, что джамаат с. Карата, *чтобы не было проблем* (с властями? — Е.К.), решил не отправлять сельчан на митинг, поэтому в нем приняли участие только те, кто выехал в Махачкалу заблаговременно. В итоге каратинцы добились своего, и решение о передаче земель было отменено главой районной администрации.

Среди каратинцев, живущих в Махачкале, как правило, активно обсуждается вопрос выборов глав села и района. Многие живущие в городе до сих пор прописаны в селении, куда приезжают проголосовать за своего кандидата. *Когда выборы, стараются временно выписаться и прописаться в село, чтобы проголосовать. Из 1000 хозяйств 500 минимум прописаны в селе* [ПМА 2011, г. Махачкала].

Практика помощи состоятельных сельчан, живущих в городах, родным селам весьма характерна для современного Дагестана, хотя интенсивность этой помощи и зависит от конкретной специфики сообществ и людей. Карата не исключение: состоятельные каратинцы, живущие в Махачкале, периодически тратят свои средства на нужды села. Например, один из таких удачливых бизнесменов сделал в сельской мечети комнату для омовения и туалет, другой выделил средства для строительства дороги в верхнюю часть села (по моим данным, последний проект так и не был осуществлен).

Имеются примеры финансовой поддержки односельчан и в пространстве столицы. Так, на средства М. Муслимова было организовано поздравление каратинских студентов-отличников, которым за успешную учебу подарили ноутбуки. Подобная акция призвана была символически очертить границы сообщества кара-

тинцев в городе, а также давала молодежи понять, что их успехи в столице воспринимаются как часть успешной жизненной стратегии родного села в целом.

Судя по всему, каратинцы-горожане могут использовать ресурс успешных односельчан для решения тех или иных проблем в городе. *Менталитет людей: раз он имеет, значит, он должен давать — и приходят, студента там исключили или кому-то на чего-то не хватает* [ПИМА 2011, г. Махачкала]. Однако из реплик моих информантов все же не следовало, что сельский ресурс в данных вопросах играет исключительную роль.

Одними из самых значимых для сообщества событий являются похороны односельчан. Можно отметить, что это общий момент для всех выходцев из сел Дагестана, живущих в городах. В Дагестане часто приходилось слышать суждение о том, что можно не пойти на свадьбу, но от обязанности пойти на соболезнование отказаться нельзя. На похоронах обязаны быть родственники, соседи, менее близкие семьи считают своим долгом прислать старшего «делегата» от семьи, мужчину или женщину. Даже проживание вдали от Дагестана не считается оправданием отсутствия на похоронах или соболезновании (ведь на похороны можно просто не успеть в связи с предписанием ислама хоронить покойника в день смерти). Тем более необходимой считается поездка на похороны в селение родственников из Махачкалы.

Абсолютное большинство каратинцев, скончавшихся в городах или за пределами селения, везут хоронить в Карата. Близкие родственники и друзья, главы семей дальних родственников считают своим долгом выехать в селение и присутствовать на похоронах или выразить соболезнование родне умершего. Однако путь в с. Карата из Махачкалы занимает 3–5 часов. В связи с этим сообщество нашло компромиссный вариант, позволяющий учитывать новые условия жизни и имеющуюся традицию.

Когда человек умирает, его везут хоронить в село. А дорога дальняя, нудная в горы, и поэтому там 3 дня делают, сидят на тазият²⁴, потом 8 дней ходят на кладбище. И здесь следующее

²⁴ Процедура соболезнования родственником умершего.

воскресенье после 8 дней — делают в городе тазият, чтобы те смогли соболезнование сказать, кто не может в горы поехать [ПМА 2011, г. Махачкала].

Именно похоронный комплекс обрядов играет роль мощного фактора консолидации разбросанных в городском пространстве людей. Зачастую именно при проведении обряда соболезнования горожане имеют возможность собраться, пообщаться с родственниками и просто односельчанами, узнать последние сельские новости, обсудить проблемы и т.п. *Я же со стороны смотрю... бывает же соболезнование, свадьба — они же как будто сто лет не виделись — там кружок, здесь кружок [ПМА 2011, г. Махачкала].*

Свадьба также воспринимается как повод встретить дальних родственников и односельчан. На свадьбах, так же как и на соболезновании, обсуждаются различные вопросы, связанные с селением и сельчанами, но специфика именно свадебного комплекса заключается в стратегии «свадьба делает свадьбу». Сельские сообщества Дагестана до сих пор имеют четкую ориентацию на желательность браков с односельчанами и даже родственниками, поэтому в ходе свадебных торжеств потенциальные женихи (или их родители), глядя на нарядных односельчанок и родственниц, подбирают подходящую пару.

При этом если похороны горожан в первом поколении пока еще, как правило, проходят в горах, то свадьбы все чаще играют в городах, например в Махачкале. Связано это с модой на свадьбы в современных банкетных залах, а также с тем, что у многих, даже еще живущих в селе дагестанцев большое количество родни уже переехало в город, и, следовательно, свадьба в городе обещает быть более многочисленной (а ведь каждый гость приносит в подарок определенную сумму денег, которая и позволяет окупить расходы на торжество). Следует напомнить, что приезд на свадьбу является менее обязательным, чем на похороны, поэтому многие горожане ленятся ездить на свадьбы неблизких родственников в горы. Один из информантов в ходе интервью с усмешкой сказал: *Хоронить туда везут, а свадьбу в городе играют... В го-*

роде чаще играют, потому что здесь больше они денег соберут [ПМА 2010, г. Махачкала].

Чох

Аварское селение Чох Гунибского района является, пожалуй, одним из самых знаменитых «исторических аулов» горного Дагестана. В XIX в. селение сыграло значимую роль в истории Дагестана, в частности в период Кавказской войны. Один из самых знаменитых наибов Шамиля Захария Чохский был родом отсюда, однако чохцы прославились как дагестанцы, находившиеся в оппозиции Шамилю, а после окончания Кавказской войны многие выходцы из Чоха поступали на русскую государственную и военную службу. Сельчане по праву гордятся тем, что в XX в. в селении чрезвычайно престижным стало получение образования, в том числе и за пределами Дагестана — выходцы из Чоха учились во многих городах СССР, а затем и оставались там работать. По такому показателю, как количество кандидатов и докторов наук, заслуженных деятелей науки, здравоохранения, культуры, селение Чох действительно выделяется среди прочих горных дагестанских селений. Следует отметить, что в каждом селении, как правило, ведется счет своих «выдающихся людей», поэтому этот символический ресурс ставит Чох на весьма престижное место в иерархии дагестанских селений, что признают не только чохцы, но и другие дагестанцы. Стоит добавить, что в каждом интервью с выходцами из Чоха звучит фраза об уникальной судьбе знаменитого своей историей селения.

Высокий образовательный уровень чохского общества стал причиной, по которой миграция чохцев из селения началась уже в середине XX в. Получившие высшее образование (среди чохцев традиционно много преподавателей вузов и врачей) сельчане переезжали работать и жить в города республики, главным образом в Махачкалу и Каспийск, а также в Москву и в другие крупные города СССР. Чохский колхоз, крупное и богатое хозяйство, начал в свою очередь привлекать для работы выходцев из других селений Гунибского района, а также из соседнего Чародинского, тоже населенного аварцами (в колхозе Чоха плата за трудодень была

ощутимо выше, чем в соседних селах [Карпов 2007: 32]). Люди, приехавшие работать в колхозе, покупали в Чохе дома, которые продавали выехавшие в города чохцы. Таким образом, в Чохе сложилась действительно уникальная для горного дагестанского селения ситуация, когда, даже не будучи районным центром, Чох стал мультисоциальным и даже мультиэтничным²⁵ селением, где проживали представители разных сельских горных дагестанских обществ. Примечательно, что коренные чохцы зачастую с плохо скрываемым пренебрежением относятся к «пришлым», браки между чохцами и нечохцами до сих пор воспринимаются некоторыми семьями как своего рода мезальянс.

В 1990-е годы чохский колхоз фактически разваливается, и это провоцирует новую волну переселения из Чоха в равнинные районы республики (на кутанные земли Чохского колхоза в Кизилюртовском районе), а также главным образом в дагестанскую столицу и Каспийск (одним из директоров Каспийского завода точной механики в советское время был выходец из села, благодаря которому многие чохцы приехали туда работать), в города России. Теперь же выходцы из Чоха устраивались на менее престижные работы, в частности, в 1990-е годы определенное количество чохцев работало в Махачкалинском морском порту, поскольку его начальником до 2010 г. был их односельчанин А. Хархаров.

Сегодня информанты-чохцы озвучивают следующие цифры: в Махачкале насчитывается около 800–1000 хозяйств чохцев, тогда как в самом горном селе осталось около 100 хозяйств [ПИМА 2010, г. Махачкала]. Помимо непосредственно Чоха и Махачкалы чохцы компактно проживают в с. Чох-Коммуна на территории Гунибского района, с. Сафарали и х. Уллубиевка Кумторкалинского района.

Интересной представляется ситуация с так называемыми чохскими землями Турали, находящимися между Махачкалой и Каспийском. До революции эти земли принадлежали одной из богатых чохских семей — Маккаевым [Тахнаева 2010]. В советский

²⁵ Помимо аварцев здесь в незначительном количестве проживают также даргинцы.

период после раскулачивания и коллективизации эти земли поступили в распоряжение чохского колхоза. В 1990-е годы в ходе земельных споров сельчанам удалось доказать права на эту территорию, и земли были оформлены как садоводства и розданы чохцам. Таким образом, недалеко от столицы образовалось место, где чохцы-переселенцы могли проживать относительно компактно. Однако многие сельчане продали свои участки, тем более что цена на эти земли за последние десятилетия многократно возросла. Поэтому, хотя некоторые сельчане еще владеют землей в этом районе и строят дома не только как дачи, но и для постоянного проживания, следует отметить, что формирования «Нового Чоха», территории компактного проживания односельчан, не произошло.

Неоднозначна ситуация с функционированием так называемого сельского ресурса в чохском сообществе. С одной стороны, по сообщениям информантов, поддержка односельчан имеет место. В частности, упоминалась некая фирма, весьма успешно занимающаяся производством пластиковых окон. Ее руководители, чохцы, стараются обеспечить работой своих односельчан, в частности молодых людей. Однако вместе с тем сами чохцы отмечают недостаточную эффективность сельского ресурса. В качестве примера приводится упомянутый выше А. Хархаров, которого многие односельчане укоряют в том, что он, будучи весьма состоятельным и влиятельным в республике человеком, лишь в малой степени оказывает поддержку чохцам: работы в порту достались лишь небольшому числу сельчан, да и то по большей части неквалифицированные и низкооплачиваемые. Хархарова «обвиняют» в невнимании к своему селению, величественная и уникальная архитектура которого на сегодняшний день действительно фактически разрушается. Возмущает сельчан и то, что Хархаров построил дом в селении хоть и с соблюдением определенных «чохских» канонов в строительстве, но не внутри села, а поодаль, выше основного селения: это было «прочитано» как намеренное «возвышение» себя над односельчанами и высокомерный индивидуализм. Вообще же слово «индивидуализм» не раз встречалось в интервью как самоидентификация чохцев. Этим каче-

ством, явившимся следствием высокой степени образованности и частых отъездов из селения, в частности, чохцы пытались объяснить невысокую степень экономической консолидации сельчан за пределами Чоха.

Однако если экономически высокая степень взаимопомощи среди чохцев ставится ими же под вопрос, в отношении брачных стратегий все еще актуальным является не только принцип сельской эндогамии, но и статус тухума будущих брачных партнеров, даже среди молодежи 1990-х годов рождения.

Мода на организацию земляческих обществ не обошла стороной и Чох — в 1990 г. по инициативе махачкалинских чохцев в столице было создано культурно-просветительское общество «Чох джамаат». Целью этой общественной организации провозглашалось содействие сохранению культуры чохцев в новых условиях (особенно в период массового выезда сельчан из района). «Чох джамаат» содействовал открытию в городе мемориальных досок знаменитым чохцам, принимал участие в организации ежегодных дней села Чох, каждый из которых был посвящен тем или иным знаменитым сельчанам. По славам первого главы организации Ш. Абдуллаева, существует практика окказионального сбора средств в кассу «Чох джамаата». *Мы договорились так — кто сколько может, вносит взнос. В 90-х раньше собирали под конкретную нужду — в Чохе источник сделать... А сейчас немного нарушилось, сейчас говорят — надо на то-то, там же вытаскивают, актив, сдают. Я еще и в совете старейшин района, там районные олигархи тоже сдают, чтобы поддержать район... А как раньше бедным людям помогать, как раньше через мечеть, такого нет. Вот для села делают — купить борцовский мат, или мячи, или спортивную форму. Или некрологи писать, тоже пишем. В газету, в «Дагестанской правде». Это тоже оплачивается из этой кассы* [ПМА 2010, г. Махачкала].

Однако многие сельчане, живущие в Махачкале, никак не участвуют в работе этой организации и скептически настроены по отношению к ней. Информанты отмечают, что на день села приезжают далеко не все чохцы, в частности не приезжают многие из

тех, кто в свое время продал дом в селении или у кого не осталось там близких родственников.

Примечателен тот факт, что чохцы уже несколько десятилетий допускают для себя возможность похорон своих усопших за пределами селения, на махачкалинских кладбищах, и даже за пределами республики — в Москве и других городах. Эта ситуация, как уже отмечалось выше, до сих пор остается категорически неприемлемой для многих выходцев из горных селений, везущих хоронить своих покойников на родные кладбища из всех уголков страны и даже мира, невзирая на степень расходов.

Интересным эпизодом, характеризующим степень консолидации сельчан за пределами Чоха, является неоднократное издание книги-справочника «Чох и чохцы». Практика издания книги о своем селении стала характерным явлением в пореформенные десятилетия: сельская община, а чаще всего все же определенные выходцы из села либо сами берутся за написание хрестоматии по истории и культуре родного села, либо нанимают (провоцируют, спонсируют) односельчан заняться краеведением. Уровень подобных изданий очень разный: от профессиональных монографий, написанных, как правило, историками, этнографами и другими специалистами, до мифологизированных, порой грубонационалистических опусов низкого качества. Однако брошюра «Чох и чохцы» выделяется из ряда краеведческих изданий именно своей функциональной направленностью. Наряду с краткой исторической сводкой о селении (по мнению некоторых специалистов, весьма спорной) в данной брошюре помещен список всех чохцев, живущих за пределами селения (по городам проживания), а также указаны их номера телефонов (последнее издание было выпущено около 10 лет назад и поэтому представлены номера только городских стационарных телефонов). Книга выдержала несколько переизданий, готовится еще одно. Главным образом, именно из-за телефонной базы она пользуется популярностью сельчан и была замечена, причем на видном месте, а не на дальней книжной полке, в каждом доме выходцев из Чоха, где мне удалось побывать. Информанты признаются, что пользуются этим справочником, дабы разыскать односельчан, если им нужно обратиться к ним за

помощью в том или ином регионе или же оповестить их о каком-то событии, например о похоронах или свадьбе.

Рассмотрев особенности чохского варианта переселения в город, можно назвать Чох «селением, преодолевшим селение». Упадок горного села и именно чохской составляющей в нем, высокая степень индивидуализации и сравнительно раннее начало переселения чохцев в города привели к тому, что для этих сельчан сельский ресурс уже не является столь значимым, как для выходцев из других сел, ставших горожанами значительно позднее. Тем не менее, земляческие связи чохцев Махачкалы существуют и пусть и не столь ярко, но вписаны в общую парадигму формирования современного городского пространства столицы.

Согратль

Неподалеку от Чоха располагается селение Согратль, также весьма знаменитое и своей историей, и своим настоящим, и, подобно Чоху, входившее в Андалальское вольное общество. Согратль стал одним из центров восстания 1877 г., после подавления которого селение было разрушено, а жители отправлены в сибирскую ссылку. После возвращения согратлинцы заново отстроили селение недалеко от прежнего места. Согратль рос и развивался, в советское время согратлинский колхоз считался успешным и социально ориентированным хозяйством: им были построены дополнительное здание для школы, больница, телевизионный ретранслятор, колхоз провел водопровод, закупил для всех хозяйств газовые плиты и т.п. В противовес соседнему Чоху в согратлинский колхоз старались не принимать переселенцев из других селений [Карпов 2007: 43–44].

Процесс переселения на равнину и в города затронул и согратлинцев, причем основная часть выехавших из села обосновалась именно в Махачкале. Всего в Махачкале и Каспийске, по подсчетам самих сельчан, проживают 1200 семей согратлинцев, около 90 семей живут в Бовтугае и еще более десятка семей — в Кизилюрте. В самом селении на конец 2011 г. по официальным данным проживало около 2500 человек, или 735 семей в Согратле, 53 — в с. Наказух (относится к Согратлинскому сельсовету) и 255 — на

кутане агрофирмы «Согратль», наследницы колхоза [http://sovet.sogratl.net/docs/sovet_report_2011.pdf]. Таким образом, в горах проживает меньше согратлинцев, чем в равнинном Дагестане и городах республики, следовательно, можно отметить, что развитие Согратля находится в общей парадигме миграционных судеб дагестанских горных селений в начале XXI в. Однако пример махачкалинских согратлинцев может выступить в качестве образцового, когда речь идет о попытках взаимодействия города и села, построения и институционального оформления единого информационного и социального пространства для модели «село в горах и сельчане в городе».

Можно отметить, что согратлинцы многого добились в условиях города. Например, ими фактически контролируется значительная часть медиаресурсов Махачкалы. Успешная в экономическом плане агрофирма «Согратль» имеет свой офис именно в столице республики. Сеть заправок «Согрнефть» покрывает территорию всего Дагестана. Родом из Согратля такие крупные бизнесмены и политики, как, например, Г. Гамзатов (на протяжении долгого времени возглавлявший ОАО «Дагэнерго») и депутат Народного собрания Республики Дагестан Ш. Исаев.

У согратлинцев есть опыт создания общественной организации, призванной объединять односельчан за пределами Согратля. Хочется остановиться на описании структуры и особенностей деятельности именно согратлинского общества, поскольку оно является одним из наиболее ярких примеров институционализации процесса консолидации сельчан в городе.

Первая общественная организация согратлинцев появилась уже в начале 1990-х, но, как и многие другие подобные структуры, функционировала неактивно. Затем ситуация изменилась: инициативу взял на себя один из влиятельнейших согратлинцев того времени Г. Гамзатов, тогда глава «Дагэнерго». *А тут 1997 год (по данным других информантов, в 1999 г. — Е.К.), приехал Гамзатов в Согратль, собрал всех бизнесменов и говорит: давайте создадим общественный фонд — фонд социально-экономического развития Согратля. И что все бизнесмены будут вносить деньги... на нужды села. Выбрали 11 человек... Гамзатов был председате-*

лем, заместителем назначил Абаша Абашилова по деньгам, брата Гаджи Абашилова... Они заседали, когда вопросы были... И за короткий срок было собрано где-то 260 тысяч [ПИМА 2011, с. Согратль]. Был организован «Благотворительный фонд социально-экономического развития Согратля». Организаторы пытались добиться финансовой прозрачности организации — на специальном сайте в режиме реального времени можно было увидеть количество денежных средств, находящихся на счету фонда. Правда, после списания из собранных фондом пожертвований односельчан значительной суммы на зарплату заместителю председателя, его секретарю и оформление их кабинетов движение по перечислению денег на нужды села через ресурс пошло на спад. Сейчас эта система также функционирует, но далеко не в том масштабе, как в начале — согласно данным на сайте, последние пожертвования поступили в 2010 г.

Общественный фонд был организован по инициативе Гамзатова, но затем он вследствие некоторых противоречий с другими сельчанами-активистами отошел от курирования этого проекта. Примечательно, что, по мнению некоторых информантов, это произошло после инцидента с выборами имама в Согратле. Гамзатов предложил джамаату своего кандидата на место имама, поддержать своего ставленника он пригласил даже муфтия Дагестана. Однако эта кандидатура после серии жарких дебатов была отклонена большинством сельчан. По словам информантов-очевидцев, предприниматель был обижен. Примечательно, что сельское общество, несмотря на авторитет Г. Гамзатова и его благотворительность на нужды села, тем не менее демонстративно решило вопрос по-своему: *Они хотели ислам контролировать, взять в свои руки... И они хотели назначить имама своим человеком. Они называли это выбрать, но фактически назначить. В итоге люди не утвердили того, кого они, а утвердили того, который был здесь* [ПИМА 2011, с. Согратль].

После фактического прекращения деятельности прежнего фонда у некоторых согратлинцев-активистов возникла идея заново создать «общество». В результате в 2008 г. (официально зарегистрирован в 2011 г.) появляется Региональный общественный

фонд «Общество “Согратль”», организованный согратлинцами, проживающими в основном в Махачкале.

Я в первую очередь начал список делать более влиятельных людей с каждого тухума. Это первое. И мы начали каждому официально объяснять, что такое общество. Раздали бюллетени. У нас 30 человек были по списку, и надо было поставить галочки напротив фамилий тех, кого хотели там (видеть в составе совета. — Е.К.). И обратный адрес (куда отсылать анкеты. — Е.К.). И когда эти конверты получили, то все вздрогнули... Они поняли, что это реально [ПМА 2011, с. Согратль].

Учтя опыт прежнего фонда и многих других организаций такого типа, организаторы во главу угла поставили активность и профессионализм новых членов новой структуры. *Каждый год эти 11 человек переизбираются. Отмечают посещения заседаний. Если без уважительной причины 3 раза не посетил, то вычеркиваем. Или те, что ходят, но ничего не предлагают... В последнем совете мы разделили по секторам — образование, сельское хозяйство, медицина, предпринимательство. Как развивать это в селении. Ну и не только в селении. Такая команда у нас была юридически подготовленная! [ПМА 2011, с. Согратль].*

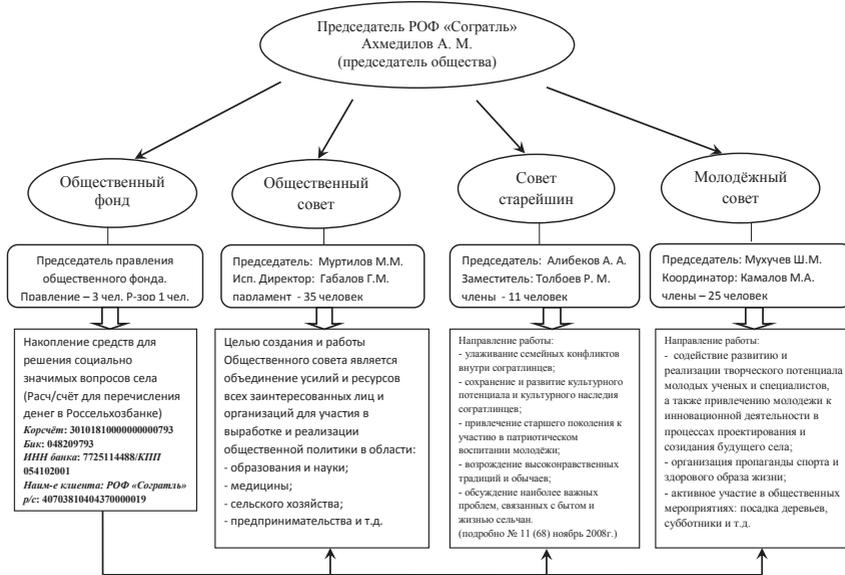
В фонде имеется Общественный совет, состоящий из председателя парламента и 35 парламентариев: целью деятельности совета является объединение усилий и ресурсов всех заинтересованных лиц и организаций для участия в выработке и реализации общественной политики в разных сферах жизни селения.

Помимо Общественного совета в организации имеется также Совет старейшин и Совет молодежи со своими специфическими функциями. Также у организации есть свой общественный фонд, куда любой сельчанин может направить денежные средства на реализацию проектов, связанных с нуждами Согратля.

К выборам в Общественный совет и другие структуры фонда привлекаются все желающие — совершеннолетние жители и выходцы из селения, хотя инициатива выдвижения кандидатов все равно исходит от активистов.

Первая практика — рассылали конвертики возможным кандидатам с предложением принять участие. А потом на последнем

Структура управления Регионального общественного фонда «Согратль»

Структура Регионального общественного фонда «Согратль»
(предоставлен руководством фонда «Согратль»)

заседании предлагаем список людей на следующий год. И предложения — кого добавить, кого убрать. ...В январе общее собрание собирается — *годекан*²⁶ — в Союзе журналистов. Собираются все заинтересованные согратлинцы, из Махачкалы, из кутанов, отовсюду. Там годовой отчет. Председатель общества избирается там. А председатель общественного совета избирается на заседании общественного совета [ПМА 2011, с. Согратль].

Деятельность фонда направлена не только на улучшение условий жизни в селении, но и на укрепление единства односельчан, поддержание сельской идентичности, прежде всего подрастающего поколения, и «возвращение» направления мыслей и деяний выходцев из Согратля в сторону родного селения.

²⁶ Слово «годекан» обозначает как площадь в селении, где традиционно собирается сельский сход или просто сидят мужчины села, так и сам сход.

Например, одна из крупных акций, которую курировало «Общество “Согратль”» — посадка плодовых деревьев на общественных землях на окраине селения. Ежегодное мероприятие проводится с 2008 г. в первое воскресенье апреля. Объявление о дате проведения этой акции заблаговременно было напечатано в газете «Согратль», выходящей на аварском языке и пользующейся популярностью среди согратлинцев Махачкалы и кутанов. Подобная практика была распространена здесь в 1960–1970-е годы, когда выпускники Согратлинской школы, собираясь на 20-летие выпуска, высаживали сосны в лесу на противоположном от селения склоне горы.

В 2011 г. на закупку 450 деревьев — абрикоса, боярышника, ореха — было потрачено 19 тыс. руб. О расходах и ходе проведения акции ее организаторы отчитались на очередном заседании Общественного совета, который проходил в редакции газеты «Черновик», принадлежавшей бизнесмену, журналисту и общественному деятелю Х-М. Камалову, трагически погибшему в декабре 2011 г. Там же желающим было предложено пожертвовать деньги на возмещение расходов покупавшим деревья активистам.

Посадка деревьев проходила 9 апреля 2011 г. в первой половине дня. Для этого в Согратль из Махачкалы приехало около 80 человек — в основном молодые люди 20–40 лет, живущие в Махачкале. После посадки деревьев участники собрались на поляне недалеко от селения, совершили коллективную молитву. К этому времени уже были приготовлены хинкал, чай и другие угощения (без спиртного).

Омрачался праздник труда во имя родного селения тем, что одновременно с ним по инициативе сельской администрации в Согратле проходил праздник *оцбай* — день первой борозды. Организаторы посадки деревьев считают, что это не случайное совпадение, поскольку дата мероприятия была объявлена заранее, а попытка отвлечь часть населения от их деятельности и проявление противостояния сельчанам, которых называют вахабитами / салафитами / приверженцами течения *ахль сунна* — «Люди

Сунны»²⁷. В результате жители селения поделились на тех, кто участвовал в празднике *оцбай* (в основном пожилые люди, женщины, дети, работники администрации и чиновники), и тех, кто сажал деревья (большинство — молодые и средних лет мужчины, среди которых было много горожан). Тем не менее, когда сложившаяся ситуация обсуждалась и осуждалась на очередном заседании Общественного совета, присутствующие высказали мнение, что раскола согратлинского общества нет, *иначе никто бы отсюда* (из Махачкалы. — *Е.К.*) *туда бы не ездил* [ПМА 2011, г. Махачкала].

Организаторы позиционировали данное мероприятие не только как акцию, способствующую озеленению и повышению благосостояния родного селения²⁸, но и как возможность согратлинцам-горожанам побывать в родном селении и почувствовать свою причастность к его судьбе. На заседании Общественного совета, где мне посчастливилось присутствовать, в частности, было рассказано о том, что в 2010 г. в этом мероприятии участвовал молодой согратлинец из Махачкалы, который до этого ни разу не был в Согратле и не знал аварского языка. Примечательно, что через год, в 2012 г., во время очередной акции по посадке деревьев, один из активистов, отвечая на вопросы журналистов, сказал: «Знаете, посадка деревьев — один из ключей к сплочению односельчан» [Гамзатова 2012].

Помимо итогов акции по посадке деревьев на совете обсуждалась и судьба односельчан за пределами селения-метрополии, например проблема безработицы согратлинцев в Бовтугае. В ходе обсуждений было решено составить списки согратлинской моло-

²⁷ В адрес «Общества “Согратль”» неоднократно звучали обвинения в том, что под видом благотворительного фонда существует организация экстремистского (в данном контексте — религиозно-фундаменталистского) толка, активисты общества с негодованием отрицают подобные обвинения. Связано это помимо прочего с представлениями о том, что в Согратле велико число салафитов. Несмотря на эти обвинения, Общественный совет в полном составе был принят М.А. Алиевым, тогдашним президентом Республики Дагестан [Ахмедиллов 2009].

²⁸ Практика посадки деревьев в период весенних праздников существует и в некоторых других селениях Дагестана.

дежи Бовтугая и Кизилюрта с указанием их мест учебы и затем доводить эту информацию до глав местных администраций, ходатайствуя за своих односельчан в вопросах устройства на работу.

Помимо решения значимых проблем сограждане собираются в столице и по менее серьезным поводам. Например, в одном из кафе Махачкалы ежегодно проходит конкурс по поеданию *беркала* — соградинского варианта закрытого пирога *чуду*.

Рассмотрев на примере конкретных дагестанских селений варианты взаимодействия односельчан в городе и организации земляческих сельских организаций в Махачкале, можно сделать некоторые выводы. В частности, следует подчеркнуть, что приведенные случаи консолидации выходцев из того или иного селения и формирования общественных объединений — не исключение, а склонна видеть здесь устойчивую тенденцию.

В период, предшествовавший распаду СССР, равно как и первые годы существования РФ, в республике обозначился бурный рост различных национальных объединений. «В среде политической элиты загнивающего авторитарного режима известные идеологические принципы и строгие правовые нормы стали подменяться традиционалистской моралью, системой норм, укрепляющей отношения личной преданности и доверительности. Все это привело к тому, что постепенно земляческие связи начали приобретать все большую значимость для правящего слоя. Национализм (еще не как политика, а как «состояние души»), являющийся, по своей внутренней природе, суррогатом естественных чувств традиционной сообщностной солидарности, начинает прорастать в современных социальных институтах, далеких от сферы традиционных отношений: в профессиональных творческих союзах и научных учреждениях, в партийных комитетах и бюрократических учреждениях, в производственных и учебных коллективах и т.д.» [Кисриев 1998: 14]. Национальные движения, появившиеся в политическом пространстве республики в конце 1980-х — начале 1990-х годов, представляли практически все крупные этнические группы Дагестана и стали своеобразным ответом на коллапс правовой системы в условиях господства криминальных структур в регионе, экономических и социальных

трансформаций в обществе. В результате, «социальная дезорганизация, с одной стороны, и новые широкие возможности реализации различных предпринимательских начинаний — с другой, усилили значение сплоченных группировок, которые могли обеспечить поддержку и безопасность своих членов. А такие отношения лучше всего прорастают среди родственников и земляков, среди лиц, объединенных общей этнокультурной основой. В этом причина повышения значимости и мобилизирующей силы внутриэтнической солидарности в нынешних условиях» [Кисриев 1998: 21].

К началу 2000-х годов эти организации потеряли и свой общественный потенциал, и большинство своих сторонников. Многие проекты национальных объединений так и остановились на стадии общественных прений²⁹. Их деятельность сосредоточилась вокруг решения конкретных вопросов (кумыкское народное движение «Тенглик» и ногайское движение «Бирлик» уделяют внимание, главным образом, земельной проблеме в равнинных районах республики) или ушла в сферу поддержки культурных проектов и изучения истории (движение «Всемирный фонд имама Шамяля»).

Феномен национальных объединений Дагестана рубежа XX–XXI вв. еще ждет своего полномасштабного изучения — мне неизвестно ни одной монографии, посвященной исследованию дагестанских национальных движений этой эпохи. Однако рефлексия на эту тему актуальна в общественных дискуссиях, региональных СМИ, в среде представителей социальных и гуманитарных наук. В частности, ставится вопрос о национальном ресурсе этих организаций и о том, чьи интересы эти организации

²⁹ «В 1994 г. под руководством профессора ДГУ А.Г. Агаева и под эгидой независимого института прикладных исследований “Национальное согласие» лезгинского движения “Садвал” были разработаны концепция национально-культурной автономии лезгин и проект соответствующего соглашения между Россией и Азербайджаном. <...> Концепция предусматривала принятие ряда программ, направленных на развитие территорий, где живут лезгины, и формирование довольно сложной организации, включавшей в себя и лезгинское население, и органы местного самоуправления приграничного региона <...> Практических последствий обсуждение этого проекта не имело» [Осипов 2004: 73].

лоббировали. Например, Э. Кисриев утверждал, что, несмотря на провозглашение «этнопартиями» своих националистических устремлений, их деятельность, «как правило, осуществляется представителями одного субнационального этнического сообщества на уровне сельского поселения или группы соседних сел, т.е. того, что в Дагестане до сих пор носит название “джамаата”» [Кисриев 1998: 34]. Согласен с ним и М. Магомедханов: «В самосознании дагестанцев этнические константы занимали свою, вторичную по сравнению с принадлежностью к сельскому сообществу, нишу. Именно данная ипостась самосознания дагестанцев является конструктивным ядром, структурирующим элементом и компонентом дагестанской идентичности» [Магомедханов 2008: 270]. В обывательских дискуссиях также популярно мнение о том, что прежние национальные объединения выражали чаяния не широких слоев той или иной этнической группы, а локальных групп. В частности, Народный фронт имени имама Шамиля (впоследствии Аварское народное движение), декларируя защиту интересов аварцев, фактически представлял собой локальный «буртунайский блок» (с. Буртунай Казбековского района — родное селение руководителя Народного фронта Г. Махачева и его ближайших сподвижников). В целом можно отметить, что национальные движения 1990-х годов разочаровали большинство населения республики.

В последние годы вновь наблюдается тенденция создания объединений и общественных организаций дагестанцев, но уже основанных на сельской или районной идентичности. Таким образом, национальная идентичность уступила место региональной, которая все больше выходит на первый план³⁰. В качестве примеров были рассмотрены земляческие организации из вышеописанных селений Дагестана.

³⁰ Например, в 2011 г. было создано общество, объединяющее выходцев из Цумадинского района, живущих в Кизилюртовском районе. Цумадинцы не составляют единой этнической группы, но ощущают свое единство именно по принципу районной идентичности. Это объединение в качестве основных целей видит прежде всего возрождение языка и культуры в условиях расселения вне своих сел и района. Наряду с этим формулируются идеи взаимовыручки, идентичности, а также упоминаются некоторые политические амбиции.

Подобные объединения односельчан похожи на землячества и культурные автономии народов Дагестана, созданные в крупных городах Центральной России, но только лишь отчасти. Прежде чем выделить основные различия между этими социальными явлениями, отмечу, в чем их сходство³¹.

В деятельности сельских землячеств, безусловно, есть направления, которые сближают их с дагестанскими «диаспорами» вне Дагестана. Способствование сохранению культуры и языка сообщества провозглашается одной из приоритетных задач как сельских объединений в Махачкале, так и землячеств за пределами Дагестана. Например, основными задачами Национально-культурной автономии Республики Дагестан в Сургуте, по мнению ее руководителя А. Зубаирова, являются культурно-просветительская деятельность, направленная на сохранение национальной культуры, воспитание молодого поколения, а также помощь землякам в адаптации и устройстве на работу в городе [ИМА 2011, г. Сургут; Тен и др. 2007: 221].

Подобная деятельность находит отклик и в сердцах односельчан, живущих в Махачкале и осознающих городское пространство как агрессивную среду и для родного языка и традиций, и для морально-этических ценностей сельского сообщества. В том числе и для противодействия процессу «забывания своего» проводятся дни села, организовываются газеты на национальных языках, курсы родного, часто бесписьменного языка, спортивные и кулинарные состязания.

На мой взгляд, между сельскими землячествами Махачкалы и дагестанскими «диаспорами» вне республики больше различий, нежели сходства — как в особенностях структуры, так и в основных задачах и формах деятельности.

Во-первых, землячества за пределами Дагестана апеллируют, как правило, к республиканской или, реже, к этнической идентичности (районная и тем более сельская идентичности очень редко становятся основой для создания подобных организаций). В силу

³¹ Подробнее о дагестанских землячествах вне республики см. мой раздел в монографии: [Карпов 2011], а также раздел монографии А.Г. Осипова [Осипов 2004: 164–188].

этого сообщества, объединенные в рамках этих структур, являются воображаемыми: так, в дагестанское землячество теоретически может обратиться любой дагестанец, даже если никто из членов этой организации ни разу с ним не сталкивался. Землячества, организуемые в Махачкале, отражают интересы реального сообщества, людей, либо состоящих друг с другом в родстве, либо просто знакомых. В составе сельских землячеств нахождение чужаков практически невозможно.

Сельские землячества, организованные в Махачкале и Дагестане, в целом не формулируют основными целями своей деятельности противодействие дискриминации своих членов и посредничество в разрешении конфликтов с другими группами населения или государственными структурами. Это отличает их от дагестанских «диаспор» других регионов России, ведь защита прав мигрантов и роль медиатора в конфликтных ситуациях вынужденно, но все же становится одной из тех проблем, с которыми приходится сталкиваться землячествам за пределами республики (эти задачи формулируются открыто или обнаруживаются в процессе реальной деятельности). «Дагестанская национально-культурная автономия <...> ходатайствовала за своих земляков (разных национальностей), пострадавших от властей, при этом не только занималась задержанными и избитыми милицией, но и помогала родителям детей, которых отказывались принимать в школы» [Осипов 2004: 185].

Для землячеств вне Дагестана в большей степени может быть верна следующая характеристика: «Организации объединяют настоящих энтузиастов “национально-культурного возрождения”. Обычно это группа из полутора-двух десятков человек <...> к которым примыкают от сотни до двух интересующихся. Участие последних в деятельности организации (носящей громкое имя “общины” или “автономии”) сводится к посещению торжественных мероприятий, приуроченных к какому-либо празднику или годовщине. Культурная традиция, развивать которую пытаются этнические активисты, носит, как правило, исключительно фольклористический характер. Это законсервированный образ культуры, понятный этнографам, но чуждый подавляющему

большинству индивидов, статистически принадлежащих соответствующей этнической группе. По этой причине основная масса членов той или иной “общины” игнорирует инициативы энтузиастов» [Малахов 2007:168].

Рассматривая действующие в России национально-культурные автономии, А. Осипов приходит к выводу, что членами и участниками подобных организаций являются интеллигенция, интересующаяся языком и культурой своей группы, а иногда и социальными проблемами оной, бизнесмены, для которых это способ общественной самореализации или благотворительности, религиозные активисты и политики, для которых это скорее PR-проект [Осипов 2004: 176–177]. Далее автор замечает: «Возможны самые разные конфигурации, и только одна практически не встречается в реальности — это “община”, объединяющая в своей структуре большинство членов этнической группы на определенной территории и координирующая всю активность внутри этой группы» [Там же: 180]. Что же касается сельских землячеств Махачкалы, то если не все, то некоторые — такие как, например, «Общество “Согратль”» — претендуют именно на роль квазисельской общины — джамаата, пытаясь объединить между собой выходцев из села с сельчанами, живущими в горах. «Не только в сельской местности, но и живя в городах дагестанцы продолжают сохранять, хотя и в трансформированном виде, джамаатское самосознание <...> Дагестанская сельская община к выходцам из своей среды независимо от времени переселения за пределы села, места их проживания, социального или семейного положения относится как к членам своего джамаата» [Магомедханов 2008: 174]³². Одними из приоритетных направлений деятельности сельских земляческих сообществ в Махачкале является консолидация всех сельчан. «Мы не должны потеряться» — так часто пытаются объ-

³² Справедливости ради стоит отметить, что некоторые из информантов вообще сомневались в том, что такая социальная реальность, как *джамаат*, еще существует в пространстве современного дагестанского общества. О степени ее реальности в современном дагестанском обществе, истоках и прогнозах на дальнейшее существование идет оживленный спор между исследователями на страницах российских научных изданий [Карпов 2007], а также СМИ республики.

яснить свое желание проводить маевки близ города или дни села сельчане, живущие в городах.

Важно отметить, что речь не идет о формировании отдельного джамаата переселенцев в городе, ведь они ощущают или стремятся ощущать себя членами именно сельского джамаата, подчеркивая единство и неделимость этой социальной структуры. В связи с этим одной из главных задач сельских землячеств Махачкалы становится всемерное содействие в развитии и поддержании благосостояния родного села и живущих там односельчан.

В этом, на мой взгляд, одно из основных отличий сообщества односельчан в Махачкале (и других городах Дагестана) и земляческих организаций вне республики. Первые стремятся помочь родному селению, ощущая себя сильными, успешными столичными жителями. Если позволить себе несколько преувеличенную метафору, называя селение «метрополией», а новое место жительства — «колонией», то можно заметить, что сельские землячества в Махачкале направляют свои усилия прежде всего в сторону «метрополии» и ее нужд.

Для вторых на первый план выходит проблема сохранения своей идентичности в инокультурных условиях, помощь землякам, живущим в неродном для них регионе, т.е. решение проблем «колонии» и «колонистов». Например, так хотел бы видеть работу национально-культурной автономии Дагестана в Сургуте один из местных дагестанцев-предпринимателей: *У него (председателя национально-культурной автономии. — Е.К.) должен был в первую очередь телефон в морге. И чтобы он мог собрать средства со всех, чтобы он должен сделать все и отправить (тело) домой.... Председатель диаспоры должен был заниматься тем, чтобы обеспечить дагестанцев работой, а в первую очередь, чтобы для похорон все. Чтобы рейс с Махачкалы встречать и спрашивать — кто зачем приехал, чтобы всех учесть, помочь найти работу, жилье найти. С деньгами небольшими же приезжают, сами знаете, а тут 15–20 тысяч нужно, чтобы устроиться... Я хотел бы видеть в диаспоре общую кассу [ПМА 2011, г. Сургут].*

Обращая внимание на функционирование земляческих организаций, нельзя не упомянуть и интернет-ресурсы. Развитие международной сети Интернет и компьютерных технологий позволило развиваться такой форме земляческих объединений как виртуальные сообщества. Важную роль в вопросе объединения односельчан сегодня играют различные интернет-ресурсы формата как социальных сетей (odnoklassniki.ru, odnoselchane.ru и др.), так и форумов сел или районов. Как правило, большая часть дагестанцев, использующих эти ресурсы, проживает вне селения и даже республики. Подобное виртуальное общение позволяет им не только быть в курсе того, что происходит в их «метрополии», но и в некоторой степени активно участвовать в жизни своего селения. Практически каждое селение Дагестана имеет в Интернете свой сайт (а то и несколько) и/или группу на порталах социальных сетей.

Важность именно сельской идентичности и сельских связей подчеркивает, в частности, созданный в 2009 г. сайт Односельчане.ru <www.odnoselchane.ru>. Он построен по популярной на сегодняшний день схеме сайтов социальных сетей, однако интересен принцип выделения этих сетей — принадлежность к тому или иному району или селению Республики Дагестан. На момент проведения исследования на нем зарегистрировалось около 15 тыс. человек (пассивных пользователей, скорее всего, гораздо больше). Сайт построен по принципу народной энциклопедии: каждый пользователь приглашается участвовать в его редактировании. На сайте размещается информация о селениях, ссылки на другие интернет-ресурсы, перепечатка статей о селах, есть форум. Очевидно, что этот интернет-ресурс преследует цель не только сбора информации о республике, но и некой консолидации односельчан и выходцев из одного района, находящихся за пределами селения/района. Прежде всего это касается молодого поколения дагестанцев, которые посредством виртуальных сетей знакомятся или поддерживают сельские и, шире, региональные связи.

Завершив рассмотрение вопросов, связанных с использованием сельского ресурса в столице и формированием объединений

односельчан в Дагестане, можно отметить, что столица республики на сегодняшний день представляет собой полигон для социального и межэтнического взаимодействия разных групп дагестанского общества, где формируются стратегии использования социальных сетей, построенных по принципу землячеств, в различных сферах социальной жизни.

Р. Парк характеризовал город как центр и средоточие социальных изменений, которые «постепенно умножались и усложнялись до того, что сегодня каждый большой город является локальным центром мировой экономики и цивилизации, в котором локальные и племенные культуры, постоянно смешиваясь, вскоре вовсе исчезнут» [Парк 2002а: 4]. В Махачкале локальные сообщества все еще сопротивляются разьедающей природе городского пространства, используя различные механизмы консолидации, описанные выше.

Заключение

Не будет преувеличением заключить, что современная Махачкала является ярким социокультурным феноменом, во многом задающим правила игры в республике. Тот факт, что Махачкала стала самым крупным городом на Северном Кавказе, говорит о многом. В этой связи интересно будет привести цитату из статьи И. Костомеровского, размышляющего о судьбе уездного Петровского укрепления на окраине империи в 1856 г. на страницах газеты «Кавказ». «Разрастется ли Петровское в цветущий сильный, гордый своим значением город? Или заглохнет и выродится в безлюдный рыбацкий приют с полуразваленными лачужками, с проветривающимися рыболовными снастями, опрокинутыми лодками на берегу пустынного моря?» [Костомеровский 1856]. У Махачкалы очень непростая судьба, но ясно одно — город не только не заглох, но стал одним из самых значимых политических, финансовых и символических центров Кавказского региона.

Былое этническое районирование Махачкалы³³, актуальное для ее дореволюционного периода, во многом сохранившееся

³³ В литературе принят также термин «этническая сегрегация» [Гришаев 2000].

и дополнявшееся некоторыми новыми компонентами в советский период, к 1990-м годам оказалось в значительной мере редуцировано. В 1990-е годы на смену ушедшим в прошлое старым «этническим» кварталам приходят новые — с новой локальной и/или этнической спецификой. Однако в целом принцип этнической спецификации районов прежней Махачкалы для современной дагестанской столицы теряет свою актуальность, уступая социальному (фешенебельные особняки в некоторых районах города) и региональному принципам построения городского пространства.

Сельский ресурс в городской среде является не только актуальным в социальном и экономическом аспектах жизни (помощь односельчан, общение внутри квазисельского сообщества, доступ к ресурсам), но и в некоторой степени определяющим фактором построения городского пространства, формирующим современный облик столицы, его социальную структуру и культурную ориентацию. Степень эффективности сельского ресурса в городе не в последнюю очередь связана с судьбой и функционированием такой социальной структуры как сельская община — *джамаат*.

В свете стремительных изменений в этом городе одной из самых актуальных можно назвать проблему функционирования и формирования идентичности так называемых «новых махачкалинцев». Горожане ли они? Или сельчане, живущие в городе? И хотя ли сельчане превращаться в горожан? А могут ли? Вот вопросы, которые мучают и «коренных» горожан, и исследователей, да, пожалуй, и самих столичных неофитов. В данном ключе интересным является фрагмент из интервью с одним из махачкалинцев, выходцем из с. Кубачи:

Соб.: *А Вы, например, думаете о том, чтобы вернуться в Кубачи?*

Инф.: *Я там живу.*

Соб.: *А, Вы там живете?!*

Инф.: ***Я считаю, что я там живу. Я там бываю хотя бы раз в 2 недели. Я только недавно еще не заселил, еще не закончил дом в новом селе, поэтому я не считаю, что я оттуда уезжал.***

Соб.: *А семья у Вас...*

Инф.: *В Махачкале.*

Соб.: *Но Вы планируете перевезти семью туда?*

Инф.: *Только, наверное, на лето и на время отдыха, как бы так.*

Соб.: *Интересно, что Вы ответили на мой вопрос «Я там живу».*

Инф.: *Я там живу. Для меня родина — это Кубачи. Для меня родина — Россия, Дагестан, Кубачи. Кубачи — это моя родина, где я родился, где мои предки родились, жили, живут и прапрапредки — они тоже там. Поэтому так [ПМА 2011, г. Махачкала].*

Может быть, в этом есть ключ к пониманию взаимного неприятия и игнорирования старых и новых горожан. Старые горожане живут в «старой» Махачкале, островки которой, как физические, так и символические, культурные, больше походят на резервации и постоянно подвергаются атакам со стороны «нового населения». Но и новые горожане чувствуют себя неуютно, поскольку городская территория пока не является для них «своей». Не является по той простой причине, что основной «своей» землей они до сих пор воспринимают селения в горах, и туда обращены взоры вчерашних сельчан. Там, среди родных могил, старых и все еще вновь появляющихся, находятся нравственные ориентиры, к которым апеллируют махачкалинцы в первом поколении.

Не приходится сомневаться в том, что процесс урбанизации в республике завершится, и для большинства Одиссеев, проживающих в Махачкале, возвращение на родную Итаку так и окажется лишь тешащим душу мифом, по крайней мере, в обозримом будущем. И Махачкала обернется для одних покоями царя Алкиноя, для других — островом Калипсо, а для кого-то и ужаснейшими Сциллой и Харибдой, и будет отпускать героев в родные горы лишь в саване и на нанятом односельчанами специальном микроавтобусе, да и то все реже и реже. Но пока процесс не завершен, город ставит перед всеми своими жителями задачу адаптировать-

ся к современным социокультурным условиям и через это сформировать новое городское пространство города Махачкала.

Библиография

Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 1990-е гг. М., 1999. С. 83–94. <<http://www.ecoross.ru/article.php?id=504>>. Время доступа — 26.05.2012.

Амиров С.Д. Стратегия социально-экономического развития города в период становления рыночного хозяйства. М., 2003.

Анохина С., Санаева П. Был такой город. Махачкала. Воспоминания. Махачкала, 2013.

Ахизер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89. <<http://ecsocman.hse.ru/data/907/561/1216/008aHIEZER.pdf>> Время доступа — 26.05.2012.

Ахмедиллов А. Цивилизационный проект: Когда мы едины // Черновик. 23.10.2009. <<http://www.chernovik.net/news/361/СК/2009/10/23/9478>> Время доступа — 26.05.2012.

Ахмеднабиев А.У. История каратинского вольного общества. Карата, 2003.

Всероссийская перепись населения 2002 <<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=9> <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>> Время доступа — 26.05.2012.

Всероссийская перепись населения 2012 <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm> Время доступа — 26.05.2012.

Гамзатова В. В селе Согратль Гунибского района прошла акция по массовой посадке деревьев // РИА «Дагестан». 14.04.2012 <<http://www.giadagestan.ru/news/2012/4/14/134947/>> Время доступа — 26.05.2012.

Ганиева А. Салам тебе, Далгар! М., 2010 <<http://lib.rus.ec/b/215226/read#t1>> Время доступа — 26.05.2012.

Гришаев В.В. Городская социальная сегрегация: анализ с точки зрения социальной теории риска // Российское городское пространство: попытка осмысления. М., 2000. С. 113–126.

Далгат Э.М. Формирование внешнего облика Порт-Петровска // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2006. С. 110–123.

Далгат Э.М. Повседневная жизнь жителей Порт-Петровска во второй половине XIX — начале XX века // «Новый взгляд». (Основные

направления социально-политического и культурного развития России и Дагестана: история и современность): Мат-лы респ. конф. Махачкала, 2008. С.104–112.

Далгат Э.М. Социальная структура городов Дагестанской области во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник института ИАЭ. 2010. № 3. С. 56–65.

Дариева Ц. Стерилизуя публичное пространство? Бакинская набережная как променад истории // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80) <<http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/d9.html>> Время доступа — 26.05.2012.

Исраилов И.С. Некоторые тенденции урбанизации в Дагестане // Труды географического общества Дагестана. Вып. XXXV. Махачкала, 2007. С. 11–13.

Капустина Е.Л. «Мы не должны потеряться»: стратегии символической консолидации односельчан в Республике Дагестан (по материалам полевых исследований 2009–2011 гг.) // Материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С. 408–412.

Караханов М. Школьная задача про хиджаб // Черновик. 29.10.2009 <<http://www.chernovik.net/news/361/ENTER/2009/10/23/9495>> Время доступа — 26.05.2012.

Карнов Ю.Ю. Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 5–74.

Кисриев Э.Ф. Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.

Котин И.Ю. Тюрбан и «юнион джек». Выходцы из Южной Азии в Великобритании. СПб., 2009.

Костомеровский И.С. Петровское // Кавказ. 1856. № 72 <<http://www.mkala.ru/city/history/petrovskoe/>> Время доступа — 26.05.2012.

Магомедханов М.Г. Махачкала. История города. Махачкала, 2000.

Магомедханов М.М. Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008.

Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме и культурном плюрализме. М., 2007.

Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

Марковин В.И. Дорогами и тропами Дагестана. М., 1988 <<http://www.mkala.ru/city/history/markovin/>> Время доступа — 26.05.2012.

Махачкала 1844–2007 гг.: Сборник документов. Махачкала, 2007.

Осинов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002а. Т. 2. № 3. С. 3–12.

Парк Р. Организация общества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002б. Т. 2. № 3. С. 13–18.

Положение кубачинского общественного совета <http://www.ugbugan.ru/news.php?id_news=34> Время доступа — 26.05.2012.

Прибыльский Л. Петровск Дагестанской области // Вокруг света. 1896. № 2. С. 61–88.

Северный Кавказ: модернизационный вызов. М., 2011.

Тахнаева П.И. Махачкала. История другого города. 1722–1921. Махачкала, 2007.

Тахнаева П.И. Аул Чох. Мир ушедших столетий. М., 2010.

Тахнаева П.И. Хиджаб, чухта и туфта // Газават. Сайт Хаджи Мурада Донного. 17.09.2011 <<http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=21&art=523>> Время доступа — 26.05.2012.

Тен В.А., Делицой А.И., Шкаревский Д.Н., Авимская М.А., Телегина Т.С., Токтонова К.О., Арсланов Р.С., Фабушева К.В. Эволюция этнокультурного облика Югры в конце XX — начале XXI века (на материале Сургутского региона). Сургут, 2007.

Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М., 1949.

Юсупов Х.А., Муталимов М.А. Харбукцы: история и культура. Махачкала, 1997.

Anwar M. The Myth of Return: Pakistanis in Britain. L., 1979.

ПМА — Полевые материалы Е.Л. Капустиной, собранные в ходе экспедиционных поездок в Республику Дагестан в 2009–2011 гг.

Анохина 2013 — материалы к изданию С. Анохиной и П. Санаевой «Был такой город. Махачкала», не вошедшие в книгу. Материалы любезно предоставлены С. Анохиной.